

Карина Демина

Леди и война.
Цветы из пепла

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Кайя Дохерти вернулся, и расколота на куски страна замерла в ожидании.

Слишкоммного с нимсвязано надежд, и слишкоммало времени дано, чтобы прийти в себя. И, собирая разорванную в клочья семью Дохерти, Изольда пытается вернуть и мужа, вновь научить его любить и доверять. Ведь только собрав себя заново, Кайя сумеет справиться и с собственной силой, и с Хаотом, который готов нанести удар по миру, и с мятежниками, что уверены, будто пушки остановят войну.

Карина Демина
Леди и война. Цветы из пепла

* * *

Теперь, много лет спустя, вспоминая прошлое, я порой не могу поверить, что все это действительно было. И лишь удивляюсь тому, что у меня, у всех нас, хватило сил выстоять. То время то и дело возвращается во снах, уже не в кошмарах, но меж тем достаточно ярких и живых, чтобы пробудить память.

В них я вновь вижу городскую стену, ворота, близкие, но такие недостижимые, стражника, бегущего навстречу. И слышу выстрел, который дробится эхом. Я чувствую толчок и удар. Удивление Кайя. И его боль. Во снах я вновь боюсь не успеть добраться до храма.

Алый цветок поднимается над городом.

И гаснет.

Кайя уходит, а я остаюсь в темноте.

Сны возвращают меня в замок, в Кривую башню, которая оказывается в кольце осады. И вновь, как много лет тому, между мной и Советом встает Сержант.

Ему дорого обходится верность.

Я еще помню разговор с Кормаком и выбор: Меррон в обмен на меня. Отказ Сержанта и тишину, которая страшнее крика. Пусть Меррон не хотели убивать, но ведь получилось. Почти.

Я знаю, что будет дальше.

Осада и эмиссар Хаота, который пройдет сквозь все заслоны. Я не нужна Кормаку мертвой, он даже по-своему предупредителен, ведь в созданных им планах мне отведена важная роль. А пока – островок и заброшенная крепость, где так удобно держать ценных заложников. Унизительный ультиматум, который Кайя принимает.

Развод.

Его женитьба.

Рождение нашей дочери... и его сына. Два года, проведенные под опекой лорда-протектора Ллойда, несмотря на все попытки Кормака вернуть меня.

Безумие Кайя, на которое эхом откликается протекторат. И прорастающие зерна революции. Свобода для всех и голод для многих. Страна разбивается надвое, и Зеленый вал отделяет земли Республики от территорий Дохерти.

Кайя знал, что делал.

Он позволил себе себя разрушить, до дна, до основания, до черноты, которая проглотила и блок, и его самого. А вернуться сил не хватило.

Наверное, мы бы не справились одни.

Но был Урфин, который сумел удержать Север и наполнить склады, открыть ворота беженцам и не допустить смуты на землях Дохерти. И был Сержант, рискнувший жизнью Меррон, которой лишь чудом удалось спастись. Был Юго, назвавший себя моим вассалом. Был Магнус и созданные им дороги: по ним мы добрались до города.

О том, разодранном революцией городе я сны не люблю.

Он грязен, страшен и безумен.

Он – отражение не Кайя, но того, что проявилось в людях, взбудораженных войной. И суд над тем, кого еще недавно почитали Богом, – высшая точка безумия. Мне вновь и вновь приходится присутствовать в зале, слушать обвинения и давить глухую ярость. Я пытаюсь дозваться, а Кайя молчит.

Снова молчит, пусть бы и находится на расстоянии вытянутой руки.

Я знаю, он просто не понимает, что происходит вокруг.

И опасности нет, но... мне больно видеть его таким.

Во снах остается немного места Площади Возмездия и плахе. Смерти леди Лоу и Кормака проходят мимо. Моя память не желает ни мести, ни справедливости, но лишь отмечает этот факт. Я кричу, и... Кайя слышит. Отвечает.

Возвращается.

И здесь во снах наступает перелом: у нас всех появляется надежда.

Глава 1

Беглецы и перемены

Бабочки в моем животе устремились на юг...

...об особенностях сезонной миграции чешуекрылых

Из города мы просто ушли.

Я запомнила площадь: сюрреалистическая картина, этаким театром потерянных кукол. Люди давно утратили сходство с людьми, застыли все, и даже я ощущала тяжесть его воли.

Кайя стоял между мной и солнцем.

Ни коня. Ни доспехов. Ни оружия. И все же страшен, страшнее, чем когда бы то ни было той готовностью додавить. И если секунду назад я сама желала смерти всем этим людям, то сейчас... наверное, из меня никогда не получится первая леди. Мне жаль их.

– Отпусти. – Я протянула руку, но Кайя не позволил прикоснуться к себе.

– Нет.

– Здесь Урфин. Дядя. И еще люди... охрана. Они служат тебе. А остальные... они поймут, что были неправы и...

И расскаются?

Те, кто продавал билетки на места в первых рядах. Или предлагал купить клочок одежды с кровью на память о великом дне. Ставки сделать – с какого раза шею перерубят. Будет ли молить леди о пощаде... перепугается ли Кормак... правда ли, что Кайя Дохерти неуязвим...

– Не надо никого убивать. Пожалуйста.

Не ради них. Ради себя.

Пусть не сейчас, но через месяц, год или десять, но Кайя вернется настолько, чтобы стыдиться этой сегодняшней безжалостности. И я повторяю:

– Не надо.

Кайя соглашается:

– Хорошо. У нас будет часа два, чтобы уйти. А у них – чтобы подумать...

И мы уходим.

Кайя больше не заговаривает. Он разглядывает город, позволяя себе останавливаться. И те, кто встречается на его пути, спешат исчезнуть. Где-то далеко трещат барабаны. Истошно орет рог, взывая к оружию, но никто не торопится откликнуться на призыв.

В городе нас больше ничто не держит.

И люди Магнуса прикрывают отступление. Мы задерживаемся лишь для того, чтобы забрать Йена. А вот Юго остается, у него, судя по всему, новый список есть, и совесть моя на сей раз молчит.

Лошадей находим на конюшне гарнизона. Кайя выбирает придиричиво. Для меня – вороного мерина с мягкими губами, сам останавливается на пегой кобыле внушительных размеров.

– Не бойся, – я передаю Йена Урфину, – с ним тебе безопасней. Я не настолько хорошо держусь в седле, чтобы рисковать.

Урфин усаживает малыша перед собой, что-то объясняет, пытаюсь отвлечь. Но Йен не слушает, он крутится, пытаюсь найти меня взглядом. Ему страшно. И мне, честно говоря,

тоже.

Кайя... слишком другой. Нет, он не безумен. Он услышал меня. Отозвался. И не стал никого убивать. Ллойд может быть спокоен: Кайя Дохерти не покинет разложенную им партию.

Кавалькаду возглавляет Магнус. Он нахлестывает лохматого конька, на нем вымещая злость. Дорога гудит под копытами, город неохотно нас отпускает. Где-то далеко запоздало рычат пушки, но голоса их уносит ветер. Погони нет и, насколько я понимаю, не будет. Те, кто был на площади, поняли, с чем столкнулись. Они попытаются договориться.

Подозреваю, что не выйдет.

Я оглядываюсь на Урфина, который одной рукой придерживает Йена, а второй – управляет лошадьёю. И выражение его лица мне не нравится.

Уж он-то должен был понимать, что Кайя не останется прежним. Он похудел и поседел, но дело отнюдь не в этом, а скорее в равнодушном, каком-то отстраненном выражении лица. В неестественном спокойствии. В молчании, которое я не решаюсь нарушить.

Но вот Магнус сворачивает с дороги. Он ведет нас лисьими тропами, и лошади получают передышку. К хутору добираемся в сумерках. Это место прячется в лесной чаще, отсыревшей и холодной. Начавшийся дождь затирает следы и топит звуки.

Дом под двускатной крышей стоит на краю болота, и серые меховые простыни подбираются к самым его окнам. Я не сомневаюсь, что среди топей проложены тайные тропы, и при необходимости хозяева быстро скроются на этой неуютной волглой равнине.

Нас встречают. Забирают лошадей. Приглашают в дом. Подносят горячий сбитень, который как нельзя более кстати. Я только сейчас понимаю, насколько замерзла.

И Кайя хмурится:

– Тебе следует переодеться.

Не только мне: Йен оглушительно чихает, и... до этого момента Кайя его не замечал.

Он развернулся резко, едва не сбив меня с ног. Подобрался. И готова поклясться, что волосы на затылке дыбом встали. Верхняя губа задралась, и Кайя зарычал.

– Стой! – Я уперлась обеими руками в грудь, понимая, что не смогу его удержать. Одно его движение, и я в лучшем случае полечу к стенке. – Кайя, стой. Урфин, ты тоже.

Он тянется к мечу, но это неправильно. Нельзя злить Кайя. Он сейчас не понимает, что творит.

– Ты слышишь меня? Конечно, слышишь...

Он не животное.

Кайя подается вперед, заставляя меня отступать.

– ...это же просто ребенок. И ты знаешь, что детей нельзя трогать.

Не животное.

И продолжает теснить меня, пробираясь к Йену.

– Ты и не собираешься, правда? Ты никогда не причинишь вреда ребенку.

Он мог бы, если бы захотел. И мы ничего не успели бы сделать. Он много быстрее. Сильнее.

И не животное.

– Я тебя знаю, Кайя Дохерти.

Того, который был прежде, и я верю, что он еще остался. Я убираю ладонь с груди. Его рубашка промокла насквозь, и на ней остается отпечаток моей руки.

– Ты не станешь мстить сыну за свои обиды.

Отступаю на шаг. И еще один. Кайя не спускает с меня глаз. Больше не рычит. А я пытаюсь выдержать его взгляд. И пачусь.

Урфин по-прежнему руку на мече держит. Плохо. А если вмешается, то будет лишь хуже. Главное – не споткнуться. Не упустить его взгляд.

Шаг и еще.

Если захочет убить, то я не стану помехой. Не обойдет, так отбросит. И значит, надо говорить.

– Ты не захочешь, чтобы ему было так же больно, как было тебе...

И я, решившись, поворачиваюсь спиной.

Йен дрожит. Не от холода – от ужаса.

– Он просто ребенок.

И я не представляю, что еще могу сказать. Поэтому просто наклоняюсь и беру Йена на руки. Так надежней: меня Кайя точно не тронет. А я не отдам ребенка. Он обнимает меня, прижимается и всхлипывает, часто, судорожно.

– Все хорошо. Я не позволю тебя обидеть. Никому не позволю.

Стою, ожидая удара. Или рывка. Или еще чего-то, чему не смогу воспротивиться. И те злые слова Гарта кажутся почти правдивыми.

Время тянется долго, но вот хлопает дверь.

Кайя отступает. Как надолго? И что будет, когда он вернется?

Ничего.

– Мы справимся, верно? – Я вытираю слезы, первые за все время нашего с Йеном знакомства. – Что бы ни случилось, мы справимся, Лисенок.

Йен не сразу соглашается расстаться со мной. Переодеваемся вместе. И ест он, сидя у меня на коленях, но потом все-таки идет на руки к Урфину. У того интересные игрушки: наконечники стрел, блестящие шнурки, монеты и даже нож в красивых ножнах.

А Кайя все еще нет. И я знаю, что он не вернется.

...Кайя...

...я в порядке, но мне лучше остаться вне дома.

Он не в порядке, и мы оба это знаем. Поэтому у слов оттенок льда.

Хорошо, что я знаю, где его найти. И повод есть: ему тоже не помешает ужин.

Под широким навесом сухо. Здесь хватает места и лошадям, и старой собаке, которая дремлет под шелест дождя. Кайя сидит на кипе сена, скрестив ноги, и руки закинул за голову, разглядывает крышу. Под стропилами свили гнездо ласточки, возятся, выглядывают.

Ласточки – безумно интересно.

Меня Кайя демонстративно не замечает. Из-за Йена? Он и вправду хотел, чтобы я не вмешивалась? А теперь рассчитывает, что обижусь и уйду? Не дождется. Присаживаюсь рядом и протягиваю миску. Картофель. Жареное сало, лук и яйца. Роскошный ужин, если подумать.

– Никогда больше так не делай. – Кайя сдается. – Ты не понимаешь, насколько это опасно.

– Понимаю.

– Нет. Я хотел его...

– ...убить.

Он забыл, что я его вижу.

– Да.

– Но ведь не убил, верно? Ты сам себя остановил. И ты это знаешь.

Кайя ест, только... как человек, который понимает, что должен съесть некоторое количество еды, дабы не помереть от голода. Кажется, ему безразлично, что именно в тарелке.

– Спасибо. – Он все еще вежливый.

Но не совсем живой. Хорошее определение. Запомнилось.

– Пойдем в дом.

– Нет. – Он стягивает рубашку, отжимает и вешает на коновязь. – Мне не следует там находиться. Я не уверен, что сумею держать свои... порывы. Но я рад, что ты пришла. Нам надо поговорить.

Он мог бы позвать меня. Гордость не позволила?

Кайя раскрывает ладонь. Кольцо. Синий камень на золотом ободке. Выглядит тусклым, стекляшкой обыкновенной.

– Я понимаю, кто тебя отправил в город и с какой целью.

А рука черная, чистой кожи не осталось. На груди разве что... и на спине. На шее пара светлых островков. Плети распустились на щеках, поднялись к вискам, пустили побеги по лбу и в волосы.

В них появилась седина.

И сейчас Кайя не стал уворачиваться. Закрыв глаза только, точно ждал, что я могу ударить.

– Что они с тобой сделали?

– Я понимаю и то, что выбора тебе не оставили. И я даже рад этому.

Он гасит боль, но я все равно ее слышу. Нельзя ждать, что он за пару часов станет прежним. Вообще нельзя ждать, что он станет прежним. Нас прежних больше нет.

– Я не смогу от тебя отказаться. И уйти не позволю.

– Я не хочу уходить.

Он не слышит.

– Иза, ты знаешь, что я сделал и почему. – Он сжимает кольцо, как будто хочет раздавить его. – Если вдруг возникнет аналогичная ситуация, я поступлю точно так же. Я не буду рисковать твоей жизнью или здоровьем. Убью. Умру. Предам. Возьму в жены женщину, мужчину, осла... все, что попросят.

Кожа горячая настолько, что обжигает.

– Я хотел бы обещать, что этого не случится, но...

– Солгал бы.

– Да.

– Хорошо.

– Что «хорошо»?

– Что не лжешь.

Все-таки отстраняется и ждет ответа. И я отвечаю:

– Я все это знаю. – Он почти сроднился с темнотой, но я не позволю ему спрятаться в ней. – Как знаю и то, что ты мне нужен.

Кайя умрет, но не позволит тому, что было, повториться.

– И не только мне... – И вот тут я растерялась. Как ему сказать? И надо ли сейчас? Не лучше ли подождать, дать ему отойти хотя бы немного. Вернуться в сознание... Нет. Слишком много вокруг было таинственного молчания во имя высшей цели.

– Ллойд тебе не говорил, но... у меня, то есть у нас есть дочь. Ее зовут Анастасия. Настя. Или Настена. Настюха. Настенька. Я знаю, что у вас девочки не рождаются. И если ты мне не веришь...

Он верит.

Без подтверждения системы. Генетических карт. Групп крови. Свидетельств. Просто на слово, потому что не способен подумать, что я решусь на обман. И я улавливаю вспышку... радость. А следом боль. Обида. И еще знакомое, терпкое чувство вины.

– Мы живы. Ты. Я и Настя.

...Йен, о котором я боюсь упоминать.

– Кайя, ты... нам нужен. Всем нам.

Но снова, кажется, не слышит. Или я не те слова выбрала?

– Мне нужен. И... у меня был выбор. Я бы не вернулась, если бы не захотела.

– Это тебе так кажется. – Он судорожно выдыхает и говорит: – Иди в дом. Тебе следует отдохнуть. Завтра – тяжелый день.

Нет, Дар и раньше был странным, но вот чтобы настолько...

Скальпель украл и резал вены, а потом растирал кровь на ладонях и внимательно ее разглядывал. Порезы заживали почти мгновенно, ненормально высокая температура держалась и, кажется, как раз-то и была нормальной, поскольку не наблюдалось ни излишней потливости, ни вялости кожных покровов, ни иных признаков лихорадки.

И лечиться отказывался, причем с таким видом, будто ему что-то крайне неприличное предлагают. Хорошо у него все. Только вот глаза цвет меняют, с каждым днем все больше желтеют. И Дар стал щуриться, зачем-то это скрывая. Зато приступов больше не случилось. Все вопросы о том, что было, он попросту игнорировал, чем злил до безумия.

Он вообще обладал поразительным талантом злить Меррон!

Дар неотступно следовал за ней, куда бы Меррон ни пошла, но держался в отдалении, словно ему были неприятны даже случайные ее прикосновения. Спросила прямо – не ответил. Предложила освободить для него комнату, любую, на выбор, если ему так легче, – обиделся. Причем виду не подал, а она все равно поняла – обиделся.

На что?

Она же как лучше хочет.

Тогда, поднимаясь по лестнице на чердак, она боролась с собой. Было страшно. И больно – она и вправду крепко к шкафу приложилась, и неудачно так, об угол. От ушиба, обиды слезы сами из глаз покатались. И отдышаться Меррон не могла минуты две. Сидела, растирала сопلي со слезами по щекам, ругала себя на чем свет стоит за дурость... а потом вдруг услышала, насколько ему плохо.

Полезла.

Преодолевая себя, полезла. И ведь главное, что не его боялась, знала откуда-то, что Дар ей не причинит вреда, а все равно дрожала. Страх сидел глубоко внутри, около сердца, в какой-то миг показалось, что док не вытащил тот стилет, а просто отломил рукоять.

Ерунда, конечно, но Меррон чувствовала железо в груди.

И еще чужую боль, которая почти как своя.

Там, на чердаке, все опять было просто и понятно. А потом опять запуталось.

Он не уходил и не приближался, только если ночью, и то ждал, когда Меррон уляжется, потом пробирался в комнату – и ведь ступал так, что не услышишь, – и ложился рядом.

Перекидывал через Меррон руку и засыпал, крепко, спокойно, как будто так и надо.

Ближе к утру его рука оказывалась под рубашкой. Меррон от этого просыпалась. И он тоже.

Вставал, заботливо укрывал ее одеялом, целовал в макушку и уходил.

Подмывало швырнуть вслед чем-нибудь тяжелым. Или скандал устроить, но... Меррон взрослая и уже научилась вести себя соответственно. Например, притворяться, что ничего не замечает.

Но ведь у любого терпения предел есть!

И когда рука добралась-таки до груди, она не выдержала:

– Если ты сейчас остановишься, то спать будешь на полу.

Остановился. Отстранился. Встал и вышел из комнаты.

От обиды у Меррон дыхание перехватило. Полдня не могла себя успокоить, все из рук валилось. И хорошо, что смена была не ее, иначе точно кого-нибудь убила, сугубо от рассеянности. В амбулаторию тоже не заглядывали, и в другой раз она бы сразу догадалась о причинах такого внезапного безлюдья, но нынешнее душевное состояние требовало действий, и активных. Чтобы занять себя хоть чем-то, Меррон проветрила комнату дока, вытерла пыль, в порыве вдохновения и полы помыла.

Тетушка всегда говорила, что уборка благотворно сказывается на женской нервной системе. И оказалась права. Почти. В том же приподнятом настроении Меррон вышла в сад, который после отъезда Летиции медленно и верно приходил в запустение, нарвала букет из крапивы, ромашек и васильков. Получилось просто замечательно!

Цветы способствуют созданию уюта...

Наверное, Мартэйнн выглядел дико с этим букетом, поскольку сосед на приветствие не ответил, но поспешил скрыться в доме.

Плевать на соседа.

Крапива в тетушкиной вазе смотрелась довольно гармонично.

А пялиться с таким раздражением на Меррон не надо.

– Вот. – Она вручила Дару огромного розового медведя, набитого опилками. Медведь был честно выигран ею на ярмарке и подарен троюродной племяннице Летиции, которая уверяла, что более красивого зверя в жизни своей не видела, но, уезжая, забыла. И к лучшему. Пригодился. – С ним тоже спать можно. И лишнего спрашивать не будет.

В глазах-пуговках медведя читался упрек.

Ничего. Перетерпят.

Дверь своей комнаты Меррон закрыла на задвижку. И в госпиталь вышла на час раньше обычного, только Дар все равно услышал, как собирается, и следом потянулся. Злой, как... Мишку с собой прихватил. Он-то в чем виноват? Он хороший, только кривоватый слегка. Донес до площади, пристроил на лавку. Отвернулся.

– Между прочим, это не твоя игрушка.

Делает вид, что не слышит. Оно и к лучшему. Меррон тоже притворится, что его не замечает. У нее собственных дел полно.

...дел было больше, чем ей бы хотелось.

Опять подводы. И раненые. Привычные запахи. Какофония звуков. Кто-то кричит, кто-то умоляет о помощи. Хватают за руки, думают, что так задержатся в этом мире.

– Потерпите. – Меррон твердит это слово, точно заклинание. – Потерпите, и все будет хорошо.

Ложь.

Будет, только не все и не у всех.

Вот тот парень с распоротым животом уже мертвец. Даже если защитить кишки, все равно погибнет, не от потери крови, так от перитонита. И этот, обожженный, пробитый кусками металла. Он еще в сознании, хотя боль, верно, должен испытывать страшную. Лежит на земле. Его обходят стороной, и это правильно: помогать надо тем, у кого есть шанс. Но Меррон все равно жаль и его, и парня, и еще того, который с раскроенным черепом.

Меррон знает, насколько это страшно – умирать.

Здесь и сейчас ссоры исчезают.

– Дай им воды, пожалуйста. – Это все, что Меррон может для них сделать. И Дар кивает: он приглядит.

На операционном столе старик с расплющенной грудной клеткой, он уже мертв, но доктора склонились над телом, разглядывая повреждения. Сейчас они похожи на воронье, слетевшееся к труп.

– Пушка сорвалась с лафета, – пояснил доктор Гранвич, единственный, пожалуй, кто снисходил до разговоров с Меррон. – Обратите внимание на характер повреждений...

Грудина смята, ребра раздроблены. Осколки прорвали легкое, и старик захлебнулся собственной кровью. Или умер раньше, от боли?

– Надо будет провести вскрытие. – Гранвич дает знак унести тело.

Освободившееся место пустует недолго.

– Мартэйнн, – доктор Гранвич склоняется над пациентом, хотя его помощь и не нужна, – мне кажется, вам следует подумать о переезде...

У него узкое лицо и маленькие глаза, которые Гранвич прячет за круглыми стеклышками очков. Он равнодушен. Бесстрастен. Аполитичен.

– О вас спрашивали. И не только у меня. Интересовались, не слишком ли часто умирают ваши пациенты...

Не чаще, чем у других.

– ...и не может ли быть в том злого умысла...

Его найдут, если нужно. В другой раз Меррон испугалась бы. Но не сейчас.

– Благодарю вас.

– Умные люди должны помогать себе подобным.

Гранвич протирает стеклышки платком и уходит. Надо бежать, но... сейчас? Нельзя. Нечестно по отношению к тем, у кого есть шанс выжить. Если до сих пор не пришли, то и сегодня, глядишь, не явятся. А ночью Меррон уйдет. Или утром.

Сейчас надо работать.

Рутин. На крови, на боли, но все равно уже рутина, особенно если на лица не смотреть. Да и они все одинаково искажены. Везет тем, кто вовремя теряет сознание, но таких меньшинство.

Остальных привязывают.

Жалеть нельзя. От жалости слабеют руки, а это – преступление, сродни убийству, если не хуже.

Когда получается покинуть госпиталь, на улице уже темно. И Меррон долго трет ладони куском пемзы, стесывая чужую кровь, пока Сержант не отбирает. Сам вытирает полотенцем и потом тут же заставляет сесть. Сует миску с остывшим супом, кажется, на косточках сваренным, что сродни чуду.

– Спасибо.

Попадают даже волокна мяса. И Меррон ест медленно, тщательно пережевывая, только все равно пора возвращаться домой. И что-то делать... говорить... решать.

Дар идет рядом. Уже не злится, расстроен только.

– Извини. – Меррон потерла глаза. – Я не хотела тебя обидеть.

В доме сегодня как-то очень резко пахло травами, особенно липой.

Липовый чай разжижает кровь и способствует успокоению нервов, конечно, не так, как полынь, но все же. Еще немного мяты и корня валерианы. То, что нужно для здорового сна.

– Будешь?

Будет. И за стол садится, кружку принимает, нюхает придирчиво. Опасается, что Меррон его отравит?

– Это чтобы спалось спокойно. Без снов. А то если день такой, как сегодня, то обычно потом снится... всякое. Дар, что с тобой происходит?

Отворачивается.

– Ясно... как знаешь.

Липа горчит, чего не должно бы быть. Или это валериана... но в сон клонит невероятно. У Меррон даже на то, чтобы помыться, сил нет. Добирается до кровати, стягивает сапоги и засыпает моментально. И сон муторный, тяжелый. Она бежит. Или тонет. Пытается вырваться, но все равно тонет. Захлебывается почти. Но в какой-то момент болото отпускает.

Меррон не удивилась, обнаружив, что спит не одна.

– Нам надо поговорить. – Наверное, следовало бы пожелать доброго утра, но нынешнее, как Меррон подозревала, и близко не будет добрым. Дар сразу подобрался. А глаза совсем желтыми стали... знакомое что-то в этом есть, а что – Меррон не припомнит.

– Я не знаю, зачем ты со мной возишься. И вообще не понимаю тебя совершенно. Наверное, мне и не положено, но... не в этом дело. Здесь дальше опасно оставаться.

Она слишком долго игнорировала приглашения Терлака.

И собрания.

И политическую жизнь, где благоразумно было бы придерживаться правильных взглядов.

Она думала, что если не придерживаться никаких, то ее оставят в покое.

– Мной уже интересовались, и, значит, скоро явятся. Сюда или в госпиталь – не важно.

Слушает. Не перебивает.

– Я не хочу ждать, когда это произойдет. Думаю, что скоро. У меня есть лодка... точнее, я знаю, где взять лодку. И на лодке уйти больше шансов. Пара лиг вдоль берега, а там как-нибудь... есть люди, которые выведут на безопасную дорогу. Если повезет, то доберусь до Севера. Говорят, что там безопасно...

Только Меррон не представляет, что ей делать на Севере. И вообще в этом мире.

Отправляться в город и попробовать найти дока?

Или это тоже безумный план?

Хотя какие еще планы сработают в безумном мире?

– Но я о другом. Я не говорю, чтобы ты шел со мной, у тебя наверняка свои дела и планы. Но исчезнуть придется, хотя бы на время. Терлак вцепится просто со злости.

Обнять себя Меррон не позволила: хватит с нее игр.

– Лучше помоги собраться.

Дурные сны и знакомая ломота в висках прямо указывали на перемену погоды. К закату с моря пойдут туманы, а лучшего прикрытия и пожелать нельзя.

Только и Терлак умел читать погоду. К полудню Меррон поняла: за амбулаторией наблюдают. А вечером, когда по лиловым сумеркам поползла белизна, в дверь постучали. Четверо. Вошли. Осмотрелись. И старший – Меррон видела его в приемной – велел:

– Пройдемте, гражданин.

Взял за плечо, чтобы не сбежала.

– По какому поводу?

– До выяснения обстоятельств...

...почему-то стало жаль рук. Пальцы на допросах ломали сразу.

А человек вдруг осел на пол. Из головы его торчал топор, тот самый, старый топор, который Меррон все хотела отнести точильщику, чтобы кромку поправил – затупилась. Но череп – не дрова, раскололся сразу.

Второй гость упал с грохотом. А третий взвыл, но сразу заткнулся – из перерезанной глотки хлынула кровь. Хорошая смерть. Быстрая. Четвертый хотел сбежать. Не вышло. Пинок по коленной чашечке, хруст. И снова кровь на паркет. А Летиция его воском натирала.

...дом сожгут или просто конфискуют?

Дар вытер нож о занавеску и подал сумку. Подхватил вторую, когда только собрать успел?

Надо уходить.

Через окно, через палисадник... розы Меррон так и не высадила. Но какое кому до роз дело? Кромка берега. И творожистый густой туман, который стелется по-над водой.

Лодка на уговоренном месте.

Волна оттягивает ее от берега, и весла проворачиваются в уключинах, касаются воды. Легкий всплеск. Скрип. И тишина. Тех, которые в доме, хватятся. Терлак придет в ярость... погони не избежать.

– Зачем ты встречал?

Ворчание. Злится. И волнуется. За Меррон?

– Пусти меня. Ты местность не знаешь, а я здесь ходила.

Шипит. И просто злится.

– Тут заблудиться проще простого. Особенно в тумане.

В ответ только фыркание. Ну да, как Меррон только усомнилась в его способностях? Что ж, оставалось надеяться, что болезненная гордость не выведет в открытое море. С другой стороны, лучше море, чем Терлак. К полуночи туман рассеялся, и Меррон увидела берег – гранитную стену, прорезанную черными горловинами пещер.

– Альмовы норы? Ты знаешь про Альмовы норы?

Сержант кивнул.

– Ты раньше бывал здесь?

Бывал.

Только когда и зачем, опять не скажет. И надо отстать от него со своими вопросами: Меррон помогли и следует быть благодарной за эту помощь. Остальное – не важно.

Море шепталось и пыталось протиснуться в гранитные берега, подхватило лодку, потянуло и как-то бережно, словно с ним договорились, поставило на плоский камень. От него начинались ступени, сделанные, верно, сотни лет тому, растрескавшиеся, обвалившиеся местами, но все еще пригодные.

И Меррон прикусила губу, запирая очередной вопрос.

Ступени вывели в небольшую пещеру, за которой открывалась другая, и третья... и значит, правду говорили, что человек, не способный прочесть тайные знаки, которые есть в каждой пещере, в жизни не отыщет обратной дороги.

А значит, их с Даром тоже не найдут.

Он шел и шел, быстро, так что Меррон приходилось бежать. А бегать в темноте – не самая лучшая идея. И камни норовили толкнуть, подставить подножку, задеть острым известняковым клыком, которые во множестве росли на потолке... Меррон терпела.

Должен же был он остановиться!

Остановился, махнул, показывая, что именно эта пещера его вполне устраивает. Сумку бросил. И сам упал.

– Дар? – Нельзя паниковать. Это приступ, как тот, который на чердаке случился. И плохо ему было давно, только терпел, тянул и вот дотянул, бестолочь этакая. Мышцы судорогой свело, как каменные стали. И дышит через раз, но рычит, пытается Меррон оттолкнуть.

– Успокойся. Я не собираюсь к тебе приставать. Ни сейчас, ни вообще. Нужен ты мне больно. Я просто расстегну куртку, и тебе дышать легче станет... и мышцы попробую размять. Будет неприятно. Когда отпустит, я уйду. Обещаю. А пока терпи.

Она точно знала, куда нажать и что сделать, чтобы ему стало легче.

И получалось.

Только когда Меррон хотела уйти, не позволил. Вцепился в руку, прижался щекой и поцеловал еще.

Вот и как его понимать?

Глава 2

Векторы движения

Неумение врать еще не повод говорить правду.

Жизненный девиз честного человека

Травинка коснулась кончика носа.

– Вставай, я знаю, что ты не спишь. – Меррон провела травинкой по щеке.

Не спит. С той самой минуты, когда она поднялась. Меррон всегда сначала поднималась, потом уже открывала глаза и, подслеповато шурясь, долго топталась на одном месте. Вспоминала, что за место и как она сюда попала. Зевала. Хмурилась. Трясла головой, избавляясь от остатков сна. Она была беспечна, и как такую из поля зрения выпустишь?

Но если открыто следить, занервничает.

– Ну вставай же. – Она забралась под одеяло и ткнула пальцем в живот. Сержант перевернулся на бок, уступая нагретое место.

К реке ходила. Купалась. Волосы мокрые, и на шее капельки.

– Вода хорошая, – сказала Меррон, отбирая остатки плаща. – Теплая совсем. Парная. Я раньше любила, чтобы на рассвете поплавать... особенно если по первому туману. У нас на запруде еще кувшинки были. Они только ночью цветут, знаешь?

Знает. И что нос у нее холодный, тоже знает.

Сама вот мерзнет, дрожит, но не признается, бестолковая женщина, с которой Сержант совершенно не умеет общаться. Ни с ней, ни с другими, от него даже обозные девки, которые особой разборчивостью не отличались, стремились отделаться побыстрее, хотя вроде бы никого и никогда не обижал.

– Или вот на рассвете... закрываются и уходят под воду. Бетти мне плавать не разрешала. Во-первых, потому что леди принимают ванну, а не в запрудах плещутся, во-вторых, у кувшинок очень толстые стебли, как сети, легко запутаться и утонуть. Некоторые и тонули. Деревенские про таких говорили, что их водяницы уволокли. Суеверия...

Засунула-таки ледяные ладони под рубашку.

– Ты опять горячий. Как ты себя чувствуешь?

Обыкновенно. Хорошо даже, когда она рядом.

– Сегодня снова, да?

Наверное. Но стоит ли переживать о том, чего нельзя изменить.

Приступы случались с периодичностью в два дня, но зато проходили легче и быстрее. Тогда, в пещере, Сержант слег почти на сутки, не столько из-за самого приступа, сколько из-за непонятной, несвойственной ему прежде слабости.

Меррон была рядом.

И в следующий раз – тогда накатило на равнине. Два холма и поле, усеянное осколками камней. Ни пещеры, ни даже трещины, чтобы укрыться. А ей не объяснить было, что оставаться на открытом месте опасно, что надо уходить, к холмам, к лесу, видневшемуся вдали. Он бы отлежался и нашел.

Осталась.

И оставалась раз за разом. Вопросов не задавала. Сама протягивала скальпель, опалив

лезвие над огнем. Ворчала, что он сумасшедший.

Терпела.

Доверяла, не понимая, что Сержант не стоит доверия.

– Может, поешь все-таки? Хотя бы немного?

Капли на шее Меррон высохли, и нос согрелся. Пора было вставать.

А поесть... в последнее время его мучило от запаха еды. И это было неправильно.

Все было неправильно.

Ему за тридцать. Критический возраст давным-давно пройден. Изменения невозможны. Это же не ветрянка... тем более что кровь все еще красная, а кожа достаточно мягкая, чтобы скальпель ее вскрывал.

Правда, давить приходилось изо всех сил.

До границы осталось недели две пути. Нейтральная зона начнется раньше, сейчас наверняка полоса шире обычного, и это хорошо... если получится дойти.

Должен.

Позвать Ллойда... он или поможет, или позаботится о Меррон, насколько это возможно. Она будет против, но Ллойд поможет смириться с неизбежным. И постарается переключить ее внимание на что-нибудь другое. Возможно, связь еще не настолько крепка, чтобы Меррон сильно пострадала, если Дар умрет.

Накатило у реки. Наклонился, зачерпнул воды – и вправду теплая, как парное молоко, то, которое с пенкой и запахом живого, – и не удержался на ногах.

На этот раз шло волнами.

Кажется, не получилось не закричать. Не помнил. Падал, как раньше, – в песок, в седую траву, которой осталось жить неделю или две. Людям – и того меньше.

Тоже был берег, узкая полоса. Раскатанное дно и застрявшая подвода. Шелест рогоза. Визг подстреленной лошади. Тяжелая конница грохочет, взбивает грязь на переправе, взрезает стальным клином шеренгу пехоты. Падают стрелы. Отвесно. С неба. Они живут там, в тучах вороной масти, потерянные перья с железной остью. Пробивают щиты. Воду. Впиваются в рыхлую землю, сеют войну.

Хорошо.

Дар закрывает глаза не потому, что страшно – страх давно ушел, – но ему надо услышать эту музыку. Никто не верит, что она есть.

Никто не видит алого.

И огненных кошек, которые играют с людьми. Кошки зовут Дара, и он должен пойти за ними. Сегодня или никогда... сегодня.

– Лежать! – Сержанта оттаскивают под защиту телеги.

Зачем?

– Сдохнешь по-глупому.

И хорошо бы. Жить по-умному не выходит. Дар пробует вывернуться: кошки ведь рядом. Ему всего-то надо два шага сделать, но не отпускают. Колено Сержанта давит спину, и та вот-вот хрустнет.

Кошки смеются.

– Не дури...

От удара по голове в ушах звенит, и музыка обрывается. Уходят кошки, туда, где конница добивает остатки пехоты, уже безо всякой красоты, деловито, буднично. И над стенами городка поднимается белый флаг.

Не спасет.

Дару не жаль тех, кто прячется за стенами, как и тех, кто стоит перед ними, за чертой осадных башен, штурмовых лестниц и баллист. Все обречены. Каждый по-своему.

На землю из носу льется кровь, но ее слишком мало, чтобы кошки вернулись. Они предпочитают лакать из луж, а не лужиц. Дару нечего им предложить.

Бросают.

Не прощаются до вечера, а именно бросают. Вообще-то Дар ненавидит вечера, особенно такие, по-летнему теплые, с кострами, мошкаррой, что слетается к кострам, с черной водой, которая словно зеркало. Но сегодня ненависти нет. Наверное, уже ничего нет.

Жаль, что днем умереть не вышло.

Сержант идет позади. Присматривает. И сопровождает. Сначала туда... потом назад. Док уже расставит склянки, разложит инструмент. Он тоже будет молчать, только губы подождет, запирая слова. Устал. Все устали.

А ночь вот хорошая. Звезды. Луна. И дикий шиповник отцветает, сыплет на землю белые лепестки.

– Почему все так? – Дар повернулся к сопровождающему.

– Надо же, заговорил-таки. И давно?

Да. Наверное. Дар не помнил, когда осознал, что снова способен разговаривать. Дар вообще не помнил время.

– И чего молчал?

Дар пожал плечами: в словах нет смысла. Ни в чем, если разобраться, смысла нет.

Дорога. Война. Зимовки. Сержант. Другие. Всех убьют, сейчас или позже, год, два, десять... у войны сотня рук, и в каждой – подарок, все больше железные, вроде тех, которые с неба сыпались. И чего ради бороться, придумывать недостижимые цели? Врать, что однажды доберешься, убьешь того самого, заклятого врага, и все в одночасье переменится...

Следовало быть объективным: у Дара не хватит сил убить Дохерти. А если вдруг хватит, то никому не станет лучше. Напротив, будет красная волна, от границы до границы. Так стоит ли оно того?

Разве что ради кошек.

Но они же бросили.

Старый шатер. Кольцо охраны. Знамя.

Сегодня без зрителей: любое развлечение приедается, а уж то, которое годами длится, так и вовсе не развлечение. Тоска... оказывается, когда ненависть уходит, мир становится безвкусным.

– Ты что задумал? – Сержант почуял неладное.

– Я просто понять хочу, почему все так?

– Как?

– Не знаю.

Плохо...

Мучительно, как будто Дар только что лишился чего-то важного и теперь изнутри распадается. Он видел подобное, когда кости гниют, а мышцы вроде держатся. И человек орет от боли, но даже маковый отвар не способен ее ослабить.

Об этом он думает, принимая удары. Сегодня, как вчера... и завтра. И потом тоже.

Зачем тогда?

До повозки дока Дар добирается сам, и от мака отказывается, а док сует и сует,

уговаривает.

Нет, это не док, руки другие, смуглые и с царапинами, вечно она куда-то влезет...

– Выпей, пожалуйста, легче станет.

Нельзя. И не станет.

Он лежит на берегу у костра, и жарко очень. Сдирает одеяло, пытаясь высвободиться.

– Вода, это только вода. – Меррон помогает напиться. А вода вкусная до безумия. – Тихо, Дар. Я никуда не уйду. Я здесь. С тобой...

...а там никого не было. Палатка. Или повозка. Запах всегда один и тот же: травяно-химический. Ноющая боль во всем теле. Жажда. И голод.

Регенерация требует энергии. Еды хватает. Но в этот раз Дар отказывается. Он отворачивается к стене и лежит, пытаясь понять, почему же все именно так, как есть. Приходит док. Потом Сержант. Еще кто-то. Говорят. Уговаривают.

Чего ради?

Постепенно голод отступает. Зато спать хочется почти все время. И Дар спит. Долго... дольше, чем когда бы то ни было. Сны тоже пустые, но в них легче.

Будят. Грубо. Пинком. Плевать.

За шкурку выволакивают из палатки, наверное, все-таки убьют. Хорошо бы. Глаза у Дохерти не рыжие – красные, как уголь, но Дар может смотреть в них, не испытывая больше ни ненависти, ни желания убивать.

– Перегорел, значит. Ну и хорошо. Не все ж тебе под волной ходить.

Вот когда в голову лезут, это мерзко. Дохерти не дает себе труд скрывать свое присутствие, напротив, всегда действует грубо, точно подчеркивая этим собственную силу.

– А вот сдохнуть зря решил. Зацепиться не за что?

Перебирает воспоминания, какие-то размытые, словно чужие. В них нет ничего, чего бы Дару было жаль отдать. Отпускает не сразу, но все-таки отпускает.

– Ясно. С людьми ты не ладишь. С лошадью попробуй. Но смотри, бросишь – обоих удавлю.

Себя Дару было не жаль, а вот лошадь... он никогда не видел таких красивых, чтобы хрупкая, словно из снега вылепленная. Не поверил даже, что настоящая. Живая. Брала хлеб с руки осторожно, обнюхивала волосы, касалась мягкими губами волос, дышала, согревая собственным теплом.

Вздыхала тихонечко.

И смотрела так, будто знала про Дара то, что никто больше не знает.

Он провел рядом с ней ночь, прижимаясь к горячему боку. И вторую... и уже потом, позже, рассказывал ей обо всем. Не жаловался, просто говорил.

С кем-то надо было.

Не смеялись. И желающих отнять не было. Дар не отдал бы: свое отдавать нельзя.

Снежинка принадлежит ему. Она осталась в Ласточкином гнезде, но это лишь потому, что здесь слишком опасно. За Снежинкой присмотрят. А когда Дар найдет место, в котором сможет жить, вернут.

Ему такое место нужно, даже не для самого – для Снежинки и Меррон. Ее Дар точно не отпустит. И не позволит уйти. Это нечестно. Неправильно. Но иначе он просто сдохнет.

– Только попробуй. – Меррон рядом. У нее глаза как вишня. И кожа смуглая, сладкая. – И я не знаю, что с тобой сделаю... у меня, между прочим, планы имеются. А ты тут... собрался.

– Какие? – В горле пересохло, и язык больно задевает нёбо.

– Дар, ты...

Заплакала. Все-таки довел до слез. А что делать, если он не понимает, как правильно обращаться с женщинами? С лошадьми намного проще.

– Ты знаешь, как меня перепугал? Я... я подумала... уже все. Ты сутки целые... и лихорадка... и бредишь. И вообще...

Сутки всего? По собственным ощущениям – гораздо дольше.

– Какие планы?

Он ослабел, но не настолько, чтобы и дальше лежать. Получается сесть и дотянуться до Меррон. Мокрые щеки и ресницы тоже. А пахнет все еще тиной речной. Если ей хочется плакать, то пусть плачет, но рядом.

– Грандиозные.

– Рассказывай.

Он имеет право знать, хотя бы для того, чтобы не ошибиться в очередной раз.

– Я дом хочу. И семью. И детей. Двоих. Или троих. Вообще как получится, но хочу. А ты умирать собрался... нельзя быть такой свиньей!

Нельзя.

Тем более если планы имеются...

...и наверное, следовало бы поблагодарить Дохерти за то, что Дар дожил до этого дня.

Утро.

Раннее. За окном – белесый болотный туман. Рассеянный солнечный свет слишком слаб, чтобы хватило для комнаты. В углах – темнота. Она укрывает обшарпанный печной бок с черным квадратом заслонки, и шторку, которая разделяет комнату пополам. Темнота прячется и под массивным столом, на котором уже стоит кувшин и миска с творогом. В комнате пахнет мятой и чабрецом, сеном, молоком, свежим хлебом, и я некоторое время лежу, наслаждаясь минутой покоя.

Их не так много, чтобы не ценить.

Я не одна.

Теплая ручонка на шее, сладкое сопение в ухо.

Настька...

Нет, моя дочь далеко. Но Йен рядом. Из-под одеяла выбрался, жарко ему, рубашка взмокла, и волосы на затылке слиплись.

Он тоже просыпается и смотрит на меня рыжими глазами, в которых вопрос.

– Все хорошо...

Не очень хорошо, но много лучше, чем могло бы быть.

Йен вздыхает.

– Твой отец... он очень долго болел. И начал поправляться...

Кайя был со мной, когда болела я. Неотступно. Каждую минуту. Утешал. Успокаивал. Уговаривал жить. Угрожал даже... и не хотел отпускать.

– ...и обязательно поправится. Не сразу, но поправится. На самом деле он очень хороший человек.

Что я могу еще сказать?

И Йен не верит. Он помнит, что было вчера.

...Кайя?

...да?

Он отозвался сразу и с какой-то готовностью, словно ждал, когда я позову.

...я просто хотела убедиться, что ты есть.

...я в порядке.

...вредишь.

...вру.

Сомнение. И тревога, которая растет с каждой секундой. Я слышу его ясно, четко, лучше, чем когда бы то ни было.

...Иза, ты... я бы хотел поговорить, но... не в доме.

...из-за Йена?

Малыш перебирает пряди моих волос, сосредоточенный, серьезный.

...мне бы не хотелось повторения вчерашнего. Я не уверен в том, что полностью себя контролирую. Сейчас я отдаю себе отчет, что этот ребенок не несет в себе угрозы, но...

Этот ребенок?

Ллойд предупреждал, только я до сих пор не уверена, что мнению Ллойда стоит доверять.

...сейчас выйду.

...только оденься. Прохладно.

И снова сомнения. Ожидание, нервное, точно Кайя опасается, что я передумаю.

Ну уж нет.

— Урфин! — Он спит поперек порога, с мечом в обнимку, и мне совсем не хочется знать, от кого именно он собрался нас защищать. Но глаза открывает сразу. — Присмотри за Йеном.

— А ты?

— Мы поговорим. Не стоит волноваться.

Все равно волнуется. За меня? За Кайя? За обоих сразу?

А во дворе и вправду прохладно. Сыро. И туман ложится на плечи белой паутиной. На траве — роса, а в траве — одуванчики, желтые веснушки.

...И снова вспоминаю о Насте. Я бы сплела ей венок из одуванчиков, с длинной такой косой. Я помню, как мама мне выплетала такие, а косу одуванчиковую украшала синими васильками и еще ромашками. Я себе такой красавицей казалась...

Кайя сидит на том же месте, что и вчера. Он всю ночь здесь провел? Похоже на то. Сидел. Думал. Не знаю, до чего додумался, но подозреваю, что вряд ли до чего-то хорошего.

— Пойдем прогуляемся? — Меня тянет прикоснуться к нему, но я чувствую, что Кайя этого не хочет.

Боится?

Скорее стесняется. И еще не доверяет себе. А в рыжих прядях запутались капли росы.

Руки прячу за спину, так обоим спокойнее будет.

А Кайя поднимается и, оглядевшись, выбирает направление. К лесу? Почему бы и нет. Он двигается по-прежнему бесшумно, но все-таки как-то неловко, что ли? словно отвык от собственного тела.

— Я позволил себе игнорировать тренировки. — Он заговаривает первым. — И долгое время вел не совсем тот образ жизни, который...

Запнулся и замолчал, но позволил взять за руку. Ладонь темная совсем. Сам он тоже — что снаружи, что изнутри. Выгорел, если не дотла, то почти.

— Не нужно, сердце мое. — Кайя не позволил мне заглянуть слишком далеко. — Я не хочу

причинять тебе боль, даже случайно. Позволь мне самому отойти. Я хотел попросить тебя, чтобы ты...

А кольцо надел все-таки. И синий камень сегодня ожил, яркий, как никогда прежде.

— Скажи, пожалуйста, дяде и Урфину, чтобы без особой необходимости меня не трогали.

— Они не будут.

— Хорошо. — Он осторожно сжимает мои пальцы. — Но все равно скажи. И чтобы держались в стороне. Вчера я слышал тебя, но не Урфина. И там, на площади. Они были как другие люди.

Лес оборвался. Не было авангарда из светлых берез и темной еловой стражи, но лишь четкая граница по берегу ручья. Узкая лента воды в глубоком русле. Красный глинистый берег. Кусты бересклета в нарядных серьгах цветов, и далекая песня жаворонка.

Серебро паутины.

— Если мне будет что-то нужно, я спрошу. Возможно, моя манера общения вызовет неприятие, но я не имею намерения кого-то обидеть. Я лишь буду стараться никого не убить.

— Кайя, они взрослые. Поймут.

Опять сомнение. Он больше не верит людям, пожалуй, мне в том числе. И главное, что имеет на это все основания, вот только Кайя стыдно за свое недоверие.

— Еще, пожалуйста, скажи, что, когда я... не совсем в себе, нельзя тянуться к оружию, как бы этого ни хотелось. Вообще не следует шевелиться или заговаривать. Я все равно не услышу никого, кроме тебя, а голос, интонация, что угодно, способны спровоцировать нападение. Также нельзя смотреть в глаза. И... прикасаться к тебе. Вообще подходить к тебе слишком близко.

Последнее произносится тихо, почти шепотом.

— Извини, но эмоциональная составляющая в любой момент может оказаться сильнее разума.

— Касается Йена или...

— Мужчин. Взрослых. Всех.

Киваю, испытывая при этом непонятное облегчение. Со взрослыми мужчинами мы как-нибудь разойдемся. Вот только поговорить Кайя хотел совсем не об этом.

Отпускает мою ладонь, скрещивает руки на груди, но не отворачивается. Смотрит сверху вниз, сердито, словно заранее готовясь воевать.

— Я вчера сказал, что не готов тебя отпустить.

Я не хочу, чтобы меня отпускали. Я вообще не воздушный шарик, который на привязи держат.

— Иза, мне непросто говорить то, что я должен. Я действительно физически не способен расстаться с тобой. Сама мысль об этом... меняет.

Надо полагать, не в лучшую сторону. Эмоциональная составляющая, разум... он опять запутался в себе.

— Ты видела, чем я становлюсь, поэтому тебе придется находиться рядом со мной. Всегда и везде. В таких местах, как это...

Место неплохое. Сыровато только, но это же мелочи.

— ...в местах, куда менее подходящих для жизни, чем это. Война — грязное занятие. И ты увидишь то, что в иных обстоятельствах я предпочел бы от тебя скрыть. Многие поступки, которые мне придется совершить, скорее всего вызовут твое непонимание и неодобрение. Я постараюсь объяснять их причины, а также обеспечить тебе комфорт в той степени, в

которой он возможен...

Он всю ночь это сочинял? Похоже.

— ...однако я не готов и никогда не буду готов дать тебе свободу. Более того, если вдруг ты поймешь, что больше не способна находиться рядом со мной и попытаешься сбежать, я пойду следом, и неважно куда. Я сравняю с землей любой замок, который посмеет тебя укрыть. Я уничтожу город, если этот город тебя не выдаст. Я перейду границу и начну настоящую войну. Мне нечего терять.

А шантажировать так и не научился. И вся эта эскапада — от боли, которая говорит громче слов.

— А мне некуда бежать.

Не слышит.

— У меня был выбор, Кайя. Я бы не вернулась, если бы не хотела вернуться. Понимаешь?

Не понимает. Прижимает палец к губам — просьба молчать. Речь еще не окончена. Осталась пара финальных аккордов.

— Но я готов принять твои условия. — Последняя фраза заготовленной речи. И я разрываюсь между желанием отвесить ему хорошую оплеуху и обнять.

Главное — без слез, решит, что из-за него, и будет прав.

— Какие условия?

— Любые.

У меня условий нет, но... Кайя нужны правила. Определенность. Сделка — это всегда гарантия.

— Наведи в стране порядок.

Кивок.

— Мне нужна моя... наша дочь. Но я не хочу рисковать ее жизнью, поэтому, пожалуйста, сделай так, чтобы она смогла вернуться. И поскорее.

Кивает и ждет продолжения, а мне больше нечего сказать. Или все-таки есть?

— Йен...

— Ллойд или Мюррей примут его.

Я присаживаюсь на поваленное дерево. Старая осина некогда росла на границе леса и болота, приграничный страж, но ручей подмыл корни, а ветер довершил дело. И осина легла, продавив мох и мягкую рыхлую почву. Ветви ее обглодали, ободрали кору, и на белом древесном теле проросли грибы. Но в яме, прикрытой мертвыми корнями, поднимались побеги с характерными серебристыми листочками, что дрожали даже в безветренную погоду. Было в этом что-то правильное, но...

...осина — хороший символ, вот только думать надо не о символах.

У Йена появится семья.

И дом.

Нормальные игрушки вместо разбитых тарелок. Растреклятый пони, о котором Настька только и говорит. Безопасность. Постоянство мира. И люди, которые действительно будут его любить.

А что можем дать мы?

— Именно. Ты опять очень громко думаешь. — Кайя присаживается рядом. — Так будет лучше для всех.

Не знаю.

Не верю. Ему. Ллойду. Разуму. Логике.

Когда-нибудь Йен начнет задавать вопросы. Кайя остынет и будет мучиться чувством вины за то, что отказался от сына. А я? Смогу ли уговорить себя, что поступила правильно, избавившись от ребенка? Он ведь не исчезнет. И глядя на Настьку, я всякий раз буду вспоминать Йена, осознавая, что предала.

Я ничего не обещала, но все равно предала.

— Сложно все. — Кайя наклонился и зачерпнул черную воду, позволяя ей литься сквозь пальцы. Он разглядывал руку, воду, грязь, оставшуюся на ладони. Синюю стрекозу и прошлогодний лист, застрявший в трещине. Он опять сомневался, а я не могла понять причины этих сомнений.

Сложно. И, наверное, единственно верного решения не существует. Есть просто решения, каждое со своими последствиями.

— Кайя... я не думаю, что... отослать его ты всегда успеешь. — Древесина влажная и скользкая, на ладони остается ее запах, мертвый, прелый и в то же время мирный. — Я понимаю, что не заменю ему мать, потому что мать в принципе нельзя заменить, да и... обещать, что стану любить, как родного, не буду. Но я не причиню ему вреда.

— А я?

Стрекоза улетает, мы остаемся.

...вчера ты напомнила, каким был мой отец.

...мне просто надо было тебя остановить.

...нет, сердце мое, это правильно. Я не хочу искалечить этого ребенка только потому, что имел неосторожность совершить ошибку.

А что будет потом? Лет через пятнадцать? Или двадцать? Йен вернется на эту землю. И они вынуждены будут встретиться. Кем? Врагами? Чужими людьми? Не людьми вовсе, но взрослыми самцами, которые станут делить территорию?

Двадцать лет — не так и много.

Дети не должны воевать с родителями, как и родители не должны бросать детей.

А есть еще я. И Настя, которая может стать сестрой. Или соперницей, отнявшей родительскую любовь. Мы все можем кем-то стать друг другу, и надо решить, кем именно. Я не знаю, как не ошибиться, но я не хочу, чтобы за наши ошибки отвечала Настя. Да и Йен ни в чем не виноват.

— Ты — не твой отец, Кайя. И не животное. Пожалуйста, дай себе шанс.

И не только себе: нам всем этот шанс нужен.

Это не условие, просьба, но Кайя ее воспримет и честно попытается выполнить. А мне придется следить, чтобы они с Йеном не искалечили друг друга. Если ничего не выйдет, то я хотя бы буду знать, что пыталась.

— Нам пора возвращаться. — Кайя протянул руку, вежливый и ничего не значащий жест. Он снова закрылся. Играет по правилам хорошего воспитания.

Пускай.

— И еще, ты не можешь сопровождать меня в неопределенном статусе. Это повредит твоей репутации. Поэтому в Кверро мы поженимся.

Глава 3

Иллюзии реальности

*Если вам кажется, что мир сходит с ума, последуйте за ним.
Во всяком случае, вы будете соответствовать миру.*

Совет одного психоаналитика

Вернулся.

Остался.

И все равно не мог поверить, что вернулся и остался. Разум любит играть, и Кайя было страшно оттого, что все вокруг вдруг окажется именно игрой. Ему ведь хотелось сказки.

Чтобы чудо.

Изольда.

Дядя и Урфин.

Снова, как раньше или почти. И больной разум по-своему логичен. Кайя видел безумцев, которые придумывали себе свой собственный мир, где были счастливы. И эти миры были реальны для людей, их создавших. Там оживали мертвые и возвращались потерянные, там появлялся шанс исправить ошибку, и все заканчивалось непременно хорошо.

В безумии, если разобраться, есть своя доля чуда. Оно многогранно и полновесно. В нем небо – синее. Трава – зеленая, и у зеленого тысяча оттенков. В них хрупкость молодых листьев и живая сила травы, что пробивается сквозь окаменевшую землю. Тяжелая лента леса, которая почти растворяется в синеве... а если смотреть на солнце, глаза начинают слезиться.

Кайя смотрит, потому что может.

И трогает траву. Солому. Собачью шкуру с жесткой шерстью, в которой засели прошлогодние колючки и тугие шары клещей, наверняка свежих. Он гладит старые доски, что норовят посадить занозу. И хрупкие шляпки волчьих грибов.

Грибы горькие, с резким запахом. И от старого гвоздя, который Кайя вытащил из коновязи, во рту остается вкус железа и ржавчины.

Он снова слышит: стрекот кузнечиков и скрип половиц в доме. Кряхтение старых петель, на которых провисает дверь... шаги... людей. Звуков много. И разве способен он придумать все это? И запах сена? И лошадей. Хлеба. Молока. То, как белые струйки звенят о подойник и женщина то и дело разгибается, растирая ладонями спину. Она настоящая? В длинной юбке, подвязанной узлом выше колен, и с коленями, раздутыми болезнью, со старыми стоптанными сапогами и этим подойником, слегка мятым, неновым, но чистым. Или вот черная корова с пятном на лбу. Один рог длиннее другого, а вымя разбухшее, перевитое венами. Корова не торопит хозяйку, привычна.

Возможно, Кайя видел их когда-то давно, в один из прежних дней, о которых думает, что вспомнил.

И женщина, перелив молоко в глиняный кувшин, подала.

– Пейте, пока теплое. – Она ушла, не дождавшись благодарности.

Молоко было сладким, с кружевной пенкой. Сено колосось, как положено сему. Трава

была влажной и тугой. А вода в ручье холодной, черной, она оставила на ладони тяжелые песчинки и длинный звериный волос. Как понять, что именно – настоящее?

И надо ли?

У Изольды отросли волосы. И сама она стала немного иной. Родной, но... строже? Жестче? Или это Кайя решил, что в его фантазии она должна быть именно такой?

Тянуло прикоснуться. Разобрать косу, которая уже почти развалилась, по прядке, по волоску, вспомнить запах ее волос и кожи. Стереть со щеки тень и пульс поймать, чтобы как прежде. Если это его мир, то у Кайя получится.

Но она была такой настоящей...

...и снова рядом.

Кайя не позволит ей уйти, неважно, существует она на самом деле или сугубо в его сломанном разуме, но уйти – не позволит. А ей захочется. Не сейчас, пока она его жалеет, но через месяц... год... два... когда-нибудь жалость иссякнет и что останется?

Чувство долга.

И дочь.

Кайя не знал, что у него есть дочь, и всю ночь думал о ней, не только, но о ней больше всего. Рыжая. С веснушками. Яркая. Живое солнце. И чудо для двоих. Иза вспоминала о ней так, что не подслушать не получалось. Кайя пытался себе сказать, что нехорошо – подслушивать, вот только сил отвернуться не хватало.

Иза тосковала по дочери.

Разве в чудесном мире, созданном исключительно силой воображения, он не сделал бы Изольду счастливой? Это же просто, заменить одного ребенка другим.

Придумать, почему Йена больше нет, а Настя – здесь.

Доказательство?

Отнюдь.

Иза попросила дать шанс. И не получается ли так, что именно его собственный разломанный разум пытался примириться с собой же? Тот, каким он был раньше, не позволял себе пугать детей и уж тем более не испытывал желания причинить им вред. Прежний Кайя знал, что такое поведение противостоит природе и, наверное, действительно не стал бы отказываться от сына.

Сложно все, и от этой сложности болит голова. Слишком много всего накатило и сразу. Как он раньше управлялся со всеми этими звуками, запахами, ощущениями? С тем, чем тянет от людей, – хаос эмоций, статичный шум, от которого не избавиться.

И Кайя отступает, пытаясь привыкнуть к этому шуму.

Наблюдать лучше издали.

Дядя умывается колодезной водой, фыркает и отплевывается. Сонный Урфин меряет шагами двор, думает о чем-то, время от времени останавливается и бросает в сторону коновязи раздраженный взгляд. Он по-прежнему не умеет сдерживать эмоции. И почти не изменился.

Йен выбирается из дому, садится на порог, обняв огромную черную курицу. У птицы красный гребень и шпоры на лапах, которые способны ранить, а Йен еще слишком мал, чтобы не бояться ран. Но курица сидит смирно, лишь моргание выдает, что птица жива.

Сейчас вид мальчишки не вызывает ничего, кроме недоумения. Неужели этот ребенок – сын Кайя? Система подтвердила, но... почему тогда Кайя не испытывает желания иного, кроме как свернуть ему шею? Он чужак. На его территории. Он мал и слаб, но все равно

чужой. А сломанная шея – легко и небольно.

Правильно.

В собственном мире он может позволить себе детоубийство: поймут и простят.

Но Изольда держится рядом, не спуская с мальчишки взгляда. Снова вмешается. Пострадает. И... нельзя убивать детей! Кайя зажмурился, отгоняя наваждение.

Ветер донес запах.

Много запахов, но два выделяются особенно ярко, более того, они переплелись между собой, и один уже неотделим от другого. Иррациональный гнев тает. Иза присаживается рядом с мальчишкой и достает пудреницу. Во всяком случае, Кайя сперва принимает этот предмет именно за пудреницу, но почти сразу понимает ошибку.

...Кайя... мне бы хотелось, чтобы вы познакомились. Если ты не против.

Не против, но... он, нынешний, не то, что следует видеть детям. Кайя не хотелось бы испугать еще и дочь. А если она все-таки не испугается, то что ей сказать?

Кайя не представляет.

...трус.

Не упрек, скорее улыбка и нежное прикосновение, которое он ловит. Бабочка в плену ладоней, одно неверное движение – и исчезнет. Кайя будет осторожен.

Он посмотрит издали.

...если ты не возражаешь.

В ее душе живет лето и девочка в соломенной шляпке, которая сползает на глаза. Ветер растрепал атласные ленты, и девочка держится за поля шляпки обеими руками.

Она уже большая!

К ним обоим тянет неудержимо, и Кайя делает шаг. И еще один до грани. Дальше нельзя. Как бы ни хотелось – нельзя.

Подсмотренное лето исчезает, остаются настороженность и беспокойство. За кого Иза больше волнуется? А мальчишка больше не смотрит на экран. Вцепился в курицу, прижал так, что вот-вот задушит, и взгляда с Кайя не спускает.

Неправильно, когда дети боятся.

Кайя закрывает глаза, сосредотачиваясь на внутренних ощущениях. Это не чужак. Не конкурент.

Просто ребенок.

Его надо научиться воспринимать именно как ребенка.

И ветер дал хорошую подсказку.

...Иза, ты не могла бы принести мне его вещь? Неважно какую, можно кусок тряпки, главное, чтобы с запахом. И свою желателью. Переплети их вместе, чтобы запахи смешались.

Будь мир полностью порожден его разумом, Кайя сделал бы себя более человеком. Наверное. Но животные тем и хороши, что довольно легко поддаются дрессировке.

...прекрати!

...нельзя отрицать очевидное. Я воспринимаю его помехой исключительно на инстинктивном уровне. С точки зрения разума он мне безразличен.

С отцом было то же самое?

Но тогда почему он не убил Кайя, когда имел такую возможность? А возможностей были тысячи: отца не останавливали. И возможно, были бы рады, если бы Кайя умер. Наверняка были бы. Он ведь помнит, какое у нее вызывал отвращение, но раньше Кайя не

думал, что его смерть – это возможность для Аннет стать матерью. Совет вынужден был бы смириться, впрочем, отец плевать хотел на мнение Совета. Тогда почему он не позволил ей родить? Даже после Фризии? Другие должны были настаивать.

И объективных причин для отказа не имелось.

Что произошло?

Кормак знал наверняка, но он мертв. Тогда кто? Дядя? Система? Кайя выяснит. Ему нужно понять, что делать, чтобы не убить собственного сына. Для начала.

...прекрати себя с ним сравнивать. Ты – не он.

...как человек. Но инстинкты у нас одинаковые.

Иза отрезает две полоски ткани – от своей рубашки и от детской, заплетает их косичкой и, прежде чем отдать, спрашивает.

...а Настю ты тоже будешь...

...нет. Я ее через тебя вижу. Она как ты, только маленькая.

Два запаха свиты вместе, неотделимы друг от друга, а Иза дотягивается и проводит ладонью по щеке.

– Я никак не могу поверить, что ты здесь. И настоящий. Что не исчезнешь, как только я отвернусь...

Ладонь холодная, а кожа шершавая, обветрилась. Розовые ногти с белыми лунками. И темное куриное перо, прилипшее к плечу. Разве это похоже на выдумку?

Кайя не знает. Но времени решать не остается: пора в дорогу, и сборы – хороший способ отвлечься.

Вчерашняя кобыла мотает головой и пятится. Ей страшно, и животный страх отличается от человеческого иррациональностью и какой-то абсолютностью. Кайя может его убрать, но медлит, подмечая детали. Старый шрам на шее, пятна пота и поистертая подпруга. Стремена слишком малы для Кайя, а от седла он отказался. То, которое есть на хуторе, – с высокой передней лукой и неудобное.

Почему именно такое?

Кобыле Кайя протягивает пучок травы. И подталкивает к решению. Это тоже просто, а раньше он не умел. Из-за блока? Блока больше нет, но что осталось?

Воспоминания. Все еще при нем, каждый день его жизни, расписанный по секундам, вдохам, ударам сердца.

Растерянность: Кайя не знает, что со всем этим делать.

Сомнения. Гнев. И... снова сомнения.

Тряпичная косичка, которая хранит два запаха.

Тропа по болоту. Лошади идут шагом. Справа – выгоревшие на весеннем солнце моховые поля. Слева – зеленое покрывало топи, безопасное для неопытного глаза. Осока щетинится по краю, созвездия очеретника рисуют тайные тропы, и манят чистотой воды синие озерца-бусины. На самом деле вода в них кислая, малопригодная для питья. А почва, выглядящая такой надежной, через несколько шагов проглотит...

То, что внутри его, недовольно. Ему не нравится болото и два запаха. Оно предлагает убрать один, чтобы остался только тот, который нужен.

К полудню топь исчезла, и на островке твердой земли устроили привал. Костер раскладывать не стали, что было разумно: нет нужды задерживаться в этом месте. И в любом другом.

До Кверро.

– Можно? – Иза сама подошла и, протянув хлеб и холодное мясо, присела рядом. Сейчас от нее пахло багульником, полынью и анисовой мазью от комаров. И ею самой. – Здесь по-своему красиво. Я никогда раньше не бывала на болотах. Думала, там мрак и ужас, а оно...

Она не знала, о чем еще с ним разговаривать, но не уходила, что уже хорошо. Села, подтянув колени к подбородку, обняла руками. Ей был к лицу этот нелепый мужской наряд, пожалуй, слишком к лицу, чтобы оставаться равнодушным. А коса опять растрепалась. Сам вид Изольды, ее присутствие на расстоянии вытянутой руки успокаивали. И Кайя вернул косичку из ткани в карман. Потом, когда дорога продолжится, он вытянет ее снова. Тот, второй запах, уже не мешает, выступая скорее дополнением к первому, неприятным, но терпимым. Хотя вряд ли следует надеяться, что все будет так просто.

– Я бы рассказала тебе и про болота... я рассказывала обо всем, что видела. А ты молчал.

...и мне начинало казаться, что ты никогда не ответишь.

...я слышал.

Про дорогу. Зиму. Оленей. Весну и еще бабочек. Про старый дом, на крыше которого выросла береза. Про волчьи капканы и остальное... только не понимал, кто говорит.

Или, напротив, понимал?

Нет. Ему ведь становилось легче. Разум возвращался. Способность понимать человеческую речь. Разговаривать. Мыслить логически.

Только извращенная логика требовала молчать.

– Кайя, ты должен поесть.

Он ест. Медленно. Тщательно разжевывая каждый кусок, пытаюсь распознать подделку. Но мясо пресное и жесткое, а вот хлеб почти свежий. И крошки сыплются на рубашку, собираясь в складках.

На рубашке пятна травы и грязи.

Настоящие?

Ответа нет. Зато есть время, которое вновь уходит. И тропа, болото, моховые кочки с вязью клюквы, красные бусины прошлогодних ягод на тонких стеблях. Подъем и лесная дорога. Ранние сумерки елового леса. И перекрестье колючих лап.

Поляна, окруженная валунами. Старые камни наполовину вросли в землю, образуя правильную окружность, слишком правильную для естественного ее происхождения. Грубые лица, что проступали под наслоениями лишайника, принадлежали прошлому этого мира.

В центре поляны вспыхнул костер. Раньше Кайя любил смотреть на пламя, чувствовал с ним какое-то сродство, и сейчас оно манило близостью, обещанием тепла, покоя. Но подходить было нельзя, опасно для людей, у костра собравшихся. Они, как и лошади, боялись Кайя, впрочем, этот страх осознанный и разумный. А обоняние и зрение у людей были слабы, и Кайя, сделав круг по поляне, подошел с подветренной стороны. То, что внутри его, умело двигаться бесшумно. Оно не потревожило ветвей и хрупких еловых веток, которые, ломаясь, выдали присутствие зверя. Оно подсказало, где можно укрыться. И наблюдать.

Сейчас Кайя подобрался к мальчишке на шаг ближе, чем утром. Желания убить не возникало. И запах его, голос, сам вид не вызывали ровным счетом никаких эмоций. Пожалуй, это хорошо. И Кайя вернулся прежде, чем его отправились искать. Он сел на сухую траву, прислонился к камню и притворился спящим. Ждал.

И ожидания сбылись. Ужин принесла Изольда и, протянув миску, присела рядом. Она смотрела, как Кайя ест, и он нарочно ел медленно, чтобы она подольше побыла рядом.

Впрочем, горячая каша с мясом была вкусна, вот только порция оказалась маловата. И Кайя пальцами снимал прилипшие к глиняным стенкам крупы еды. Немного стыдно, но голод был сильнее стыда.

Он так давно голоден...

— Ты так и останешься здесь? — Пальцы Изольды скользят по плечу и предплечью, задерживаясь на ладони. Когда-то он уже держал ее руку в своей.

Не удержал. И сейчас она уходит к гаснущему костру, но вскоре возвращается.

— У нас есть одеяло и плащ. Это уже много. — Она выбирает место и старательно очищает его от мелких веточек, шишек и камней. — К тому же ты горячий, так что не замерзну.

Она собирается остаться на ночь с ним?

— Именно. Теперь и ты громко думаешь.

— Нельзя.

— Можно и нужно. Кайя, не знаю, чем ты себя изводил целый день, но ты должен отдохнуть. И лучше, если я буду рядом.

...я же все равно не уйду. Или потом вернусь. Когда ты в последний раз спал хотя бы пару часов?

...не помню.

...давно? Конечно, давно. И один не уснешь. Не хмурься, я же знаю, что будешь сидеть до рассвета, себя накручивать. А ты и так на пределе.

А с предела легко сорваться.

— Ложись. И нечего меня взглядом сверлить. Я тебя все равно не боюсь.

Правда.

— Закрывай глаза. — Она касается волос, нежно, почти как прежде. — Место странное, правда? В моем... прошлом мире было что-то похожее. Стоунхедж. Каменный круг и очень старый, несколько тысяч лет, но этот, наверное, старше. И с лицами. Почему-то я думала, что в мире не было никого до вас. То есть люди были, но совсем дикие. А это...

Плащ слишком короткий для Кайя, но это мелочи.

Она ложится рядом, лицо к лицу, ожидая ответа. О прошлом мира говорить безопасно.

...здесь существовали боги. И кое-где остались, насколько знаю. В примитивных культурах. Но в большинстве своем боги ушли.

...а вы остались.

...да.

Разговор не клеится, но ему хорошо оттого, что Иза рядом.

...засынай.

...засну, обещаю. Поговори со мной еще немного, если ты не устала.

...о чем?

...о ком... о чем-нибудь.

Он вовремя исправил оговорку, только врать бесполезно. Кайя уже забыл, каково это — быть рядом с человеком, который слышит больше, чем сказано.

...может, все же попробуешь с ней побеседовать? Уже не сегодня, сегодня поздно. А например, завтра? С Ллойдом тебе все равно придется, он спрашивал. Я сказала, что ты пока не в состоянии. Он мне не поверил. Он...

Смятение. И эхо обиды.

...он тебя обидел?

...нет. Он все еще думает, что ты неадекватен.

...возможно.

...прекрати.

Иза пинает, легонько, и надо бы сказать, чтобы поосторожней, о него легко пальцы ушибить.

...он всерьез думал о том, чтобы тебя... ликвидировать. Я поставила им условие, только ведь не факт, что его выполнили... и выполняют. И нет, Кайя, меня никто не заставлял идти сюда. А вот оставаться там... уговорили. Я понимаю, что и для чего он делал, но... все равно мерзко. Я потом расскажу подробнее, ладно? Кайя, пожалуйста, не давай ему собой манипулировать. Ты не животное. И не сумасшедший.

С этим можно было бы поспорить. Он так и не решил, насколько реален окружающий его мир.

...ты нормален, нормальнее многих из людей. И неполноценным тебя нельзя называть. Не веришь себе – поверь мне. Я не знаю, что именно скажет тебе Ллойд, но у него свои интересы. Ради них не пощадит ни тебя, ни меня.

...Иза, это нормально...

...я догадываюсь, что он скажет. Но отослав Йена, ты не исправишь в прошлом ничего. А будущее изуродуешь. Зачем? Я знаю, чего ты боишься, но... я не позволю тебе причинить Йену вред. Дай себе отойти. Полгода, Кайя. Это же не так много, верно? Просто немного времени для тебя и него. И для меня тоже. Для нас всех. Чтобы не Ллойд решение принял, а ты сам.

...почему ты так переживаешь о нем?

...не столько о нем, сколько о тебе. И о себе. Йен существует. Он твой сын. Отрицать это – значит лгать. А ложь рано или поздно все разрушит. Я не хочу снова тебя потерять.

Его дочь совершенна. Солнце, к которому Кайя, быть может, позволят прикоснуться, потом, когда он станет более стабилен и поймет, реален ли окружающий его мир.

Он закрыл глаза и оказался в темноте.

– Нет, – сказал Кайя.

– Почему? – Темнота смеялась. – Ты и вправду поверил? Ты так хочешь верить, глупый мальчик...

– Хочу. И верю.

Если верить, то сбудется. Но темноты так много, и он снова заблудился...

– Кайя, очнись, пожалуйста. – Его обнимали, гладили лицо, стряхивая остатки кошмара. – Это сон. Это просто сон... я здесь.

Здесь. Рядом. И от волос все еще пахнет анисовой мазью.

– Все закончилось, солнце мое. Все уже закончилось.

Тогда почему она плачет? Из-за него? Не надо, Кайя не стоит слез. Но все, что он может, – обнять ее. Настоящая? Кайя больше не станет думать об этом. Каким бы ни был мир, но другой, без нее, не нужен.

В разговоре Ллойд ни словом не упомянул о Йене.

Две недели пути, и Кверро точкой промежуточного назначения.

Город в городе. Ров. Оборонительный вал. Подъемный мост из потемневшей древесины. Гулко бухают копыта, и я не могу отделаться от ощущения, что они вот-вот проломают настил. Знаю, что вряд ли такое возможно, но когда меня знание спасало?

Стена. Зубцы решетки проплывают над головой. И снова иррациональное опасение, что эта решетка вот-вот упадет. Смыкаются с протяжным звуком створки ворот, отрезая путь к отступлению. Впереди – узкая улица, дома которой срастаются крышами и водостоками, заслоняя небо. Их надстраивают этаж за этажом, нелепые конструкции, что, несмотря на кажущуюся хрупкость, стоят веками. Нижние этажи лишены окон: зачем, если солнца нет?

И воздуха не хватает: факелы съедают почти весь.

– Скоро мы приедем. – Сегодня Йен со мной, как вчера, позавчера и всю предыдущую неделю.

Я – рядом с Кайя, настолько близко, насколько возможно. И рада, что сейчас куда ближе, чем прежде. За мной следуют Магнус и Урфин. И в этом имеется смысл: те, кто будут встречать нас во внутреннем замке, должны увидеть семью. И надежду, что все образуется.

Йен вертит головой, щурится – света слишком мало, а ему хочется разглядеть все. Древних горгулий с потрескавшимися крыльями, на которых лежат свинцовые трубы. Сами трубы, закопченные и поросшие известняком. Мостовую и металлические ограды, перерезавшие улицу.

Кайя спокоен, он хорошо умеет притворяться, но я-то знаю правду.

Две недели упрямого движения к цели, молчания и вечеров для двоих. Он никогда ни о чем не просит, но хотя бы не пытается избавиться от меня. Знаю, что из-за сна, который все повторяется и повторяется. Его кошмар – бескрайняя чернота, не то падение, не то полет, длящийся вечность. И в этой пустоте он исчезает. Всякий раз Кайя выныривает из сна молча, у него не остается сил даже на крик. А я не знаю, как его защитить.

Говорит, что не надо. Пройдет со временем.

Не понимает, что я вижу ложь.

Как бы там ни было, но ночью мы ближе, чем днем, и жаль, что летние ночи так коротки.

Но вот Кверро, и дорога выводит к очередной стене. Снова ворота. Решетка. Мост над пропастью, чьи стены выложены гранитными плитами. По ним, словно лозы, спускаются трубы тонкими ветками, целыми связками, переплетаясь железными стеблями.

– Здесь не так часто случаются дожди. – Рассказываю Йену то, что узнала от Магнуса. – И воду приходится беречь. Дождь падает в ущелье и оттуда уже в водохранилища.

Их получают, затапливая ставшие бесполезными каменоломни. Некогда в Кверро добывали драгоценные камни, но однажды жилы иссякли, а выбитые рабами норы остались.

– Ее не используют для питья, хватает родников, но вот к полям отводят.

В Кверро знают цену воды и хлеба.

Йен безо всякого страха разглядывает ущелье, над краем которого нависают все те же нелепые, слишком хрупкие с виду домишки. Меня же от одного взгляда на них дрожь пробирает. Я бы точно не смогла здесь жить.

На другой стороне моста нас встречают. Стены одеты в бирюзовые цвета дома Дохерти и желто-черные – Гайяров. Хозяйева Кверро горды оказанной честью.

Так нам сказали.

Взвыли волынки, и стрекот барабанов разнесся над площадью. Собрались если не все, то многие. Узнаю Деграса. Рядом с ним сыновья? Похоже на то...

– Дерево и ключи на щите видишь? Это Троды. Сильный северный род. – Гнев идет медленно, позволяя людям рассмотреть нас, а нам – людей. – А змей и город – Кардифы. Вот тот рассеченный на четыре поля щит с лисой – Шарто...

Сейчас я умею читать этот язык. И держаться должным образом.

Улыбаться. Кивать. Выглядеть совершенно счастливой.

Принимать цветы.

И помощь.

Спешиться. Поприветствовать хозяев. Ответить любезностью на любезность. В церемониях нет места спешке или войне.

...ты стала другой.

...хуже?

На моей ладони – солнечный зайчик, который создан лишь для меня.

...просто другой. Иза, я только сейчас понял. У меня нет имени. И рода. Титула. Вообще ничего нет. Сейчас я никто. И я не вправе заставить тебя становиться моей женой. Но я действительно не смогу тебя отпустить.

Можно подумать, я рвусь на свободу с неудержимой силой.

Рвусь. Но не на свободу, а к горячей воде, в которой мне бы позволили отмокнуть час-другой, к мягкой постели – двумя часами здесь не обойдется. От обеда тоже не отказалась бы, такого, что гарантировал бы отсутствие изжоги.

А мне тут снова о политике.

...дядя примет меня обратно и подтвердит правомочность заключенного брака, но это займет время, однако возможно составить гарантийные обязательства...

...Кайя...

Как ему объяснить? Почему единственный человек, который видит меня насквозь, не способен поверить тому, что видит?

...мне все равно, есть у тебя титул или нет. Неважно, к какому роду ты принадлежишь и что имеешь. Я не отступлю.

...почему?

Потому что он мне нужен. Не знаю, любовь это, физиология, одержимость, связь... какая разница, как оно называется, главное, мне нужен Кайя. Весь. С его принципами, занудством и любовью к правилам. С неуверенностью в себе, с приступами гнева, которые он сдерживает и гасит, думая, что я не слышу эха. С нежеланием терять меня из поля зрения. С солнечными зайчиками и кошмарами – вдвоем мы справимся. Если вдвоем, то справимся.

...ты неправильная.

Наверное, просто недоперевоспитали. Или... горбатого могила исправит?

Глава 4

Кверро

Темный Лорд кружил по Большому залу, оттягивая свой конец...

...цитата из любовного романа, знаменующая скорое падение Царства Тьмы

...что нужно уставшей женщине для счастья?

Тишина и ванная комната.

Вот именно такая: с теплым полом, со стенами в желто-багряных тонах, со столиком, где теснились склянки с ароматическими маслами, пудрами, присыпками, жидким мылом, уксусной эссенцией для волос, жемчужным порошком, еще чем-то, столь же дорогим и редким.

Ванна вытесана из цельного куска мрамора.

Вода идет снизу, из горячего источника, который и согревает замок Кверро. Эта вода расползается по кровеносной системе глиняных труб, которые скрыты в толстых стенах. У нее резковатый серный аромат, но это ведь мелочи.

...Иза, с тобой все хорошо?

Кайя нервничает. Он не готов расставаться со мной. И почетный караул, застывший у дверей моих апартаментов, не видится ему сколь бы то надежной охраной.

Он бы и сам остался у дверей.

Нельзя. Слишком зыбко все. И Кайя не может позволить себе выглядеть смешным или слабым.

...все замечательно, солнце.

Над ванной поднимается пар, и огромное зеркало покрывается туманом. Вода обжигает и расслабляет. Если бы еще в покое оставили, но нет... леди ждут за ужином.

И вообще у нее свадьба вечером.

Правда, говорили о ней с каким-то робким сочувствием.

Леди должна хорошо выглядеть, а у нее кожа огрубела, обветрилась. Волосы в ужасном состоянии, о руках же и упоминать не стоит. Почему леди не пользовалась перчатками? И вообще следовало бы себя беречь... столько дней верхом, и представить страшно, какие леди перенесла мучения. Ее попытаются привести в порядок... ванна и массаж. Растирания, натирания, окуривание травами... маски и крема...

Как же я от всего этого отвыкла!

И привыкать, вероятно, не стоит. Мне придется следовать за Кайя, а он вряд ли проложит маршрут по косметическим салонам... жаль. Сугубо по причине женского эгоизма, жаль.

Массаж ли подействовал или обертывание теплой целебной грязью, призванной вернуть коже утраченную белизну, но в какой-то момент я провалилась в приятную полудрему.

— ...да пусть поспит, бедняжка... — Голоса доносились словно бы издали. — Натерпелась...

— Ну, я бы тоже так... понатерпелась. — В этом шепоте раздражение. — Дура ты.

Вздых не то согласия, не то возражения.

– Все мужики – кобели. Только одни в золотой конуре живут, а другие, как твой, только лаять и могут.

...Кайя, ты лаять умеешь?

...надо?

...нет, я просто...

Пошутила. Только он не способен еще принимать шутки. Да и эта какая-то тоскливая.

– Твой-то не будет перед тобой хвостом вилять... – Шепот становился злее, я почти видела на руках девушки эту злость, темную, вязкую, как деготь. Девушка склонилась надо мной, разглядывала, примеряясь. Подцепив край полотна с засыхающей глиной, она потянула его вверх.

Неприятно. Глина отлипает от кожи, но дело не в ней, а в грязи, что мешается с пылью. Но я терпела, я должна была знать, что она думает.

Потому что она – не одна.

– Из-за этой бедняжечки он от жены избавился. И ребенка следом отправит. Года не пройдет, помяни мое слово...

И от людей я тоже отвыкла.

– ...все знают, что ему недолго осталось. А много ли дитю надо? Просквозить разочек, и все. Странно, что вообще живым доехал. Небось бросили бы там, на ревлюцъенров.

Она произносит это слово с брезгливостью и в то же время с гордостью, поскольку знает о том, что творится по ту сторону вала.

– Небось не вышло-то... а как выйдет, так и все наплачутся слезьми кровавыми.

– Надеюсь, эту версию вы не поспешили озвучить Йену? – Надо же, я больше не испытываю стеснения, признаваясь, что подслушивала чужой разговор. Скорее уж, хочется надавать мерзавке пощечин. – Это было бы крайне неблагоприятно.

Красное лицо. Не от стыда, от злости.

А девица крупная. Яркая. Наверняка следит за собой в надежде на выгодную партию, только не получается что-то. Наверняка у нее есть любовник, давний и с первого дня обещающий замуж взять, но вот исполнить свое обещание он не торопится. Ей и бросить жалко – столько сил вложено, и годы идут, красота вянет. Отсюда и ревность. Ей кажется, что мне повезло. Она хотела бы быть на моем месте. И точно знает, как поступила бы...

– Я не спрашиваю о том, кто вложил такие опасные мысли в вашу голову. – Я научилась смотреть людям в глаза и говорить так, чтобы меня слушали, как она, со страхом и пониманием, что именно за мной здесь власть. – Я лишь надеюсь, что вы эту голову побережете. А теперь будьте столь любезны, вернитесь к своим обязанностям. Закончив же, передайте, пожалуйста, камеристке ее сиятельства, что я крайне вами недовольна.

...теперь я умею быть леди.

...придирчивой.

...капризной.

...холодной и отстраненно-вежливой.

Роли расписаны. Будем играть.

И думать.

Этот разговор – досужая сплетня, но такая, которая пересказывается и будет пересказываться, несмотря на все запреты, обрастая все новыми и новыми подробностями. Дело не в том, что когда-нибудь она дойдет до Йена, а в том, что на словах все не остановится.

Мне ли не знать.

Друзья порой услужливей врагов. О да, Йену нет и двух лет, но почему-то мне кажется, что этот факт вряд ли кого-то остановит. И от былой расслабленности не остается следа. Я с трудом дожидаясь окончания косметических процедур.

Йен прячется в детской комнате, которую ему уступили вместе с худосочной нянькой в строгом вдовьем наряде, черноту которого разбавляет лишь кипенно-белое пятно воротника. У женщины приятное лицо, которое портят губы, брезгливо поджатые, скрывающие недовольство. Она не слишком рада оказанной ей чести, но исполнит долг со всем прилежанием.

– Ваша светлость! – При моем появлении дама поднимается и приседает в глубоком реверансе. Черные юбки ее ложатся на ковер, сливаясь с ее же тенью, и дама продолжается в двух измерениях. – Мы бесконечно рады вашему вниманию...

Радость в ее голосе весьма сомнительного свойства.

А я осматриваюсь. Комната просторная, с высокими стрельчатыми окнами, которые выходят на небо. Синее-синее, яркое, с солнечным шаром, который дробится в толстых стеклах, с облаками, горными вершинами и витражным кораблем.

В комнате тепло.

На полу мягкий ковер. За шелковым убранством стен прощупывается войлок. Невысокая мебель сделана именно для детей, а вставшие на дыбы медведи, которыми украшены и ножки стола, и стулья, и все прочие предметы, однозначно указывают, для кого именно создавалась эта комната. В углу – шкаф с армией оловянных солдатиков. Деревянная лошадка на полозьях. Полный рыцарский доспех, пока еще великоватый Йену, выполнен с поразительной дотошностью и мастерством, впрочем, как и щит с гербом Гайяров. Особо поразила меня крепость, сложенная из миниатюрных блоков. Квадратные башни, подъемный мост на тонких цепочках, массив донжона. Лучники на стенах готовы встретить неприятеля.

Конница выстроилась у ворот.

По другую сторону стен, под прикрытием баллист и осадных башен, держатся ровные ряды пехоты. Армия ждет сигнала к атаке. И сомневаюсь, чтобы маленький хозяин добровольно уступил эти сокровища высокородному гостю. Но в комнате достаточно места и игрушек для двоих.

– К нашему огромному сожалению, – дама не смеет сидеть в моем присутствии, но во взгляде ее читается не то чтобы презрение, скорее некое скрытое необъяснимое превосходство, – Брайан заболел и не может должным образом служить их светлости.

Меньше всего их светлости нужно, чтобы кто-то ему служил. Йен сидит на ковре, обнимая черного мосластого щенка. И дама морщится, но продолжает:

– Это животное – подарок барона Деграса. Я как раз объясняла их светлости, что место собак – на псарне. Их светлость не желают расставаться с животным.

Вижу. Щенок повизгивает от переполняющих его эмоций, а Йен мрачен. Он прижимает пса к себе, а меня разглядывает с сомнением, которое явно прописывается на его мордашке.

– Их светлость в своем праве. Не думаю, что собака доставит какое-то неудобство.

Мне не нравится эта женщина. И отсутствие охраны. Исчезнувший мальчик, родители которого демонстративно проигнорировали возможность познакомить чадо с наследником престола. Подслушанный разговор...

– В Кверро есть доктор?

Я поворачиваюсь к даме, которая позволяет себе выразить некоторое недоумение.

– Не сомневаюсь, что есть, окажите любезность, пригласите его сюда. И можете быть свободны.

Она оскорблена и не скрывает недовольства, но мне все равно. Я ей не верю. Возможно, леди далека от мысли причинить Йену вред, а мои подозрения безосновательны, но рисковать я не хочу.

Дама удаляется, и черная тень, прилипшая к ее юбке, уползает следом. И готова поклясться, что, когда за нянькой закрывается дверь, Йен облегченно выдыхает. Но тут же вспоминает обо мне.

– Как ты здесь, Лисенок?

Его вымыли. Постригли. Переодели. Черный костюм с узкими бриджами и бархатной курточкой выглядит дорого и достойно наследника, но вряд ли он удобен. Йен крутит пуговицу, не спуская с меня настороженного взгляда. Решает, я ли это?

Я, только смена декораций влечет и смену нарядов. Нынешнее платье из зеленого бархата с кокетливым кружевным воротничком роскошно. Я не хочу знать, кому оно принадлежало, равно как и туфли, которые немного велики.

– Одежда – это только одежда, она меняется, а люди остаются. Ты кушал?

Кивает.

– Умница. Сейчас придет доктор. Не потому, что ты болен, но... я не хочу, чтобы ты заболел.

Он слишком мал, чтобы играть во взрослые игры, прятаться по подвалам, питаться так, как питались мы, спать по ночам у костра и сутками трястись в седле.

– Доктор не причинит тебе вреда. Он послушает, как ты дышишь, а ты, если у тебя что-то болит, покажешь ему, где именно болит. Хорошо?

Я присаживаюсь на ковер.

– Тебе подарили щенка?

Йен кивает и смотрит с вызовом. Неужели думает, что отберу?

– Красивый. Ты уже решил, как его назовешь?

Щенок выворачивается и галопом несется ко мне. Он дружелюбен и счастлив, как только может быть счастлива собака подросткового возраста. Тяжелая голова. Массивные лапы и худое, змеиное тело, которое, казалось, напрочь лишено позвоночника. Длинный хвост крутит собакой.

– Мой, – подумав, говорит Йен.

– Конечно, твой. Никто его не заберет. Но надо придумать имя. У тебя же есть имя? И у меня. У папы твоего. У дяди... и бабушки. У всех. И ему тоже без имени никак.

...Кайя... мне кажется, что Йену не помешает охрана. Урфин. Или Магнус. Или кто-нибудь из тех, кому ты доверяешь. Лучше, если они будут постоянно при нем.

...что случилось?

Я кратко пересказываю подслушанный разговор и собственные невеселые мысли. Пусть Кайя и не выражает к сыну особой любви, но и обидеть его не позволит.

– Друг? – Йен делает вторую попытку. И букву «р» он выговаривает чисто.

Друг – хорошее имя, подходящее для собаки.

– Друг. – Я чешу Друга за ухом, и он падает, переворачивается на спину, дрыгая лапами. Да, живот мы тоже почешем, вместе с Йеном. – Думаю, спать он будет с тобой...

...хотя бы для того, чтобы залаять, если в комнате кто-то появится.

Например, доктор Макдаффин со своим черным кофром.

И я рада этой неожиданной встрече, в которой мне видится добрая примета. Мне неудобно спрашивать, как доктор очутился здесь, но он сам отвечает, пусть и расплывчато:

– На войне дороги частенько приводят не туда, куда хотелось бы. А доктора нужны всем...

Я держу собаку, а Йен с прежней молчаливой покорностью позволяет себя осмотреть. По-моему, он даже рад избавиться от неудобной куртки, а слуховая трубка, полагаю, из старых запасов дока, и вовсе приводит Йена в восторг.

– Мальчик совершенно здоров. – Док смотрит куда-то за спину, и я оборачиваюсь.

Кайя?

Не слышала, как он подошел.

...извини, не хотел вас отвлекать.

– Если что ему и необходимо, так это регулярное питание. В рационе обязательно должны присутствовать мясо и творог. Рекомендую также прогулки на свежем воздухе. И рыбий жир.

...мерзость!

При упоминании о жире Кайя просто передергивает, похоже, с этим чудо-средством он знаком не понаслышке. Док же откланивается, как мне показалось, с некоторой поспешностью.

А Йен, выпустив собаку – Друг категорически отказывается быть смирным пациентом, – все-таки замечает отца. И прячет подаренную трубку за спину.

Пса же схватить не успевает.

– Это Друг, – представила я собаку. – Его подарили. И он останется, если ты не против.

Кайя не против. Он позволяет псу обнюхать ноги и, наклонившись, касается вздыбленного загривка.

– Друг – это хорошо... Урфин немного занят. Вы не против, если я посижу здесь?

Он остается за порогом.

...далее – его территория. Условность, конечно, но совсем без ничего тяжело. И пока он не настолько ко мне привык, чтобы позволить нарушать границы.

...а ты?

...мне больше не хочется его убить. Знаешь... я только сейчас понял. Отец никогда не позволял себе заходить в мою комнату. Классы. Библиотека. Манеж. Тренировочные залы. Куда угодно, но не в мою комнату. Странно.

Я представляю, о какой комнате идет речь, той самой, в которой он жил до моего появления. Холодный камень, старая мебель и доспех в углу.

Старое надежное убежище.

...почему странно?

...если я нарушу границы его территории, это будет вызов, который он не может не принять. А я заведомо сильнее, понимаешь? Ему придется подчиниться, но это – насилие. Я не хочу его ломать.

...но твой отец тебя ломать не стеснялся?

...именно.

...его больше нет.

...знаю. Мне надо бы с дядей поговорить, но... я пока не готов.

Щенок, убедившись, что опасности Кайя не представляет, вернулся к хозяину, сунул морду под руку и застыл с дурашливой ухмылкой.

...когда-нибудь ему расскажут, что я убил его мать.

Йен не спускает с отца настороженного взгляда. И даже не на лицо смотрит, на порог, по которому, как догадываюсь, и проходит граница.

...и хорошо бы, если к этому времени он узнает тебя достаточно, чтобы понять, насколько это – неправда. Ты не способен убить женщину.

...боюсь, ты обо мне слишком хорошего мнения. Способен. И приговорить к смерти, и убить. В этом случае, пожалуй, имели место оба варианта, хотя юридически я не переступил за рамки договора. Тебе ничто не угрожает. Мне достаточно было оставить ее без должной поддержки, а затем не вмешиваться в происходящее.

Не та тема, которую мне хотелось бы обсуждать.

...ты хочешь, чтобы я тебя простила? Или сказала, что ты сволочь и я не желаю иметь с тобой дела?

...скорее хочу, чтобы ты знала.

Друга волнует, что собравшиеся в комнате люди неподвижны. Он бежит от Йена ко мне, от меня – к Кайя, от Кайя – к Йену. Его заносит на поворотах, но когда это обстоятельство останавливало жизнерадостную собаку?

...я убил бы ее собственноручно и без сожалений, если бы не опасался причинить вред тебе.

Он присаживается и по-турецки скрещивает ноги, что дает собаке великолепную возможность взобраться на колено. Друг жаждет подняться и выше, в частности, дотянуться до лица, но Кайя останавливает порыв.

...Иза, многие видят в Йене Кормака. Сегодня мне намекнули, что рады будут решить эту проблему.

Значит, страхи мои не на пустом месте.

...в их глазах он еще долго будет помехой или потенциальной угрозой.

Ребенком, просто-напросто ребенком. Он все-таки умеет улыбаться, пусть не мне и не Кайя, но своей собаке. И значит, отгадывает.

...и ты права относительно охраны. Но я не уверен, насколько она надежна.

...Магнус или Урфин?

...да, кто-то постоянно должен быть рядом. И не только с ним.

...я тоже лишняя?

Знакомый расклад. Отвратительно, что все повторяется.

...нет. Тебя поддерживают, но я не хочу рисковать. Пожалуйста, Иза, я знаю, что охрана тебя тяготит, но иначе я не смогу. Потерпи.

Потерплю.

...Народное правительство прислало гонца с просьбой о встрече. Я согласился. Я хочу послушать, что они скажут, и кое-что сказать им. Потом Урфин отправится в Ласточкино гнездо и заберет Йена с собой. У него дочка родилась...

Ну да, кто бы сомневался с его-то целеустремленностью.

...с Тиссой все хорошо?

...да. Он письма читает...

...а я твои в замке оставила. Теперь жалею... ну, тогда выбора особого не было, понимаю и все равно жалею. Пропали, наверное. И рисунки тоже.

Перебираюсь поближе к Кайя, прислоняюсь к его плечу. Мы просто сидим. Молчим. И думаем каждый о своем.

Но впервые мои мысли почти умиротворенны.

Первым желанием Урфина было свернуть посреднику шею. Вторым – задержать и передать Кайя, тот бы нашел способ вскрыть этого невзрачного человека в сером сюртуке. Оба желания Урфин подавил.

Он разглядывал гостя, точно отмеряя ту дозу любопытства, которая не вызвала бы подозрения, но, напротив, была бы уместна в нынешней щекотливой ситуации.

Среднего роста. Среднего возраста. Средней внешности, которая слишком легко меняется, чтобы ее запомнить. Пожалуй, лишь темно-розовое, неправильной формы пятно на левой щеке привлекало внимание. Впрочем, Урфин подозревал, что именно с этой целью пятно и было поставлено.

– Я счастлив удовлетворить ваше любопытство. – Посредник держался свободно и спокойно, как человек, всецело владеющий ситуацией. – И рад, что вы готовы слушать...

Готов. И слушать будет со всем возможным вниманием, пусть этот человек знает не так и много.

Его задача – установить контакт.

– Вина? Эля? Воды?

– Воздержусь, пожалуй. – Посредник сунул большие пальцы под лацканы пиджака. – В моей профессии, знаете ли, весьма важно сохранить ясность мышления, а туземные напитки порой... оказывают странное воздействие на разум. Поэтому все же воздержусь.

– Что ж, тогда я весь внимание.

Посредник не торопится, оценивает степень искренности, но сейчас Урфин не лжет. Он действительно заинтересован в предложении, которое ему вот-вот поступит.

– Сколь знаю, вы... обладаете некоторыми специфическими талантами, применения которым в этом мире не нашли. И в свое время вы обращались в Хаот, надеясь развить эти таланты.

– Но получил отказ. – Пауза подразумевает участие в беседе и поддержание игры.

– К сожалению, в Ковене преобладали радикальные настроения, однако события последнего года заставили многоуважаемых... нанимателей пересмотреть свою позицию.

– И что они предлагают?

– Помощь.

– А взамен?

Посредник сосредоточенно мнет ткань сюртука, выискивая в ней изъян. Ему определенно непривычен крой и костюм неудобен, однако он дает понять, что согласен терпеть неудобства ради высшей цели. Ему заплатили, в том числе и за риск.

– Помощь. – Ответ прост и очевиден. – Этот мир пребывает в состоянии глубокого кризиса, который в самом скором времени будет разрешен. Как вы понимаете, есть два варианта исхода. И один был бы крайне нежелателен для Ковена. Второй при благоприятном развитии позволил бы вам достичь куда большего, нежели вы теперь имеете.

Пауза, которая позволит собеседнику или возразить и завершить разговор, или промолчать, тем самым дав предварительное согласие. Урфин молчит.

– Конечно, ваше положение в достаточной мере стабильно, но... вы зависимы от хозяина.

– У меня нет хозяина.

– У всех есть, – спокойно возразил посредник. – Но люди предпочитают использовать иные термины. Друг. Родственник. Начальник. Однако я предпочитаю называть вещи своими

именами. Вас приняли в семью Дохерти, но это еще не значит, что признали равным. Хороших работников ценят, награждают и держат при себе.

Снова выбор: молчать или возразить. Потребовать убратся и... оборвать контакт? Нет, Урфин еще не все выслушал.

— В конечном счете этот поступок им ничего не стоил и стоять не будет, но гарантирует вашу лояльность. С этой же целью вам подобрали и женщину. Семейные узы много значат для тех, кто был лишен собственной семьи, поверьте, правота данного утверждения доказана во многих мирах. Вас привязали.

— А вы хотите отпустить на свободу.

Спокойно. До Тиссы им не добраться. Его девочки в безопасности.

— Мой наниматель даст вам уникальный шанс. — Посредник извлек из нагрудного кармана очки в тонкой проволочной оправе, невзрачные и идеально подходящие к облику. — Вы единственный в этом мире человек с активными аномальными способностями, с огромным потенциалом, который было бы неразумно не использовать... конечно, во благо и поддержку Ковена. Вы знаете специфику мира, причем сразу на нескольких уровнях. Вы обладаете широким кругозором...

Сватают, как невесту. Урфин поежился, представив, в какой постели будет первая брачная ночь проходить. Нет, пожалуй, он пока не был готов потерять невинность столь радикальным способом.

— ...и во всех отношениях вы идеальны как наместник.

— Вы предлагаете...

— Ковен, — поправил посредник. — Ковен предлагает вам высшую власть в этом мире.

Действительно, стоит ли мелочиться в подобных делах? Странно, что это предложение не вызвало никакого отклика. Власть — это...

— Реальную власть, прошу заметить. И возможность что-то изменить. Вы ведь, в отличие от многих, осознаете, сколь опасен застой. Этот мир слишком долго пребывал под опекой, он перестал развиваться...

Посредники хороши тем, что умеют разговаривать, подбирая ключи к каждому человеку. Разве Урфин не думал о том, что слышит? И не хотел перемен?

Менял, как полагал правильным. Получалось плоховато, но... если у него будет высшая власть, не ограниченная законом...

— Естественно, Ковен не скрывает своей заинтересованности в местных ресурсах, однако обмен — это основа любой торговли, будь она на уровне сельской ярмарки или же конклава миров. Тем более что монополизация ресурсов под единым управлением позволит вам не только оценить запасы, но и рационализировать их добычу и восстановление. В планы Ковена не входит истощение мира.

Он не лжет, скорее уж изложенная правда имеет широкий диапазон интерпретаций.

— Это все?

Соглашаться сразу нельзя.

— Отнюдь. — Посредник водрузил очки на нос. Проволочные дужки помялись, и левое стеклышко было выше правого. — Возможно, предложение моего нанимателя покажется вам более привлекательным, если вы дадите труд подумать о ваших детях. Весьма высока вероятность того, что они унаследуют ваш дар и в нынешней ситуации — вашу невозможность даром воспользоваться. Ковен просил напомнить, что нет ничего более печального, нежели талант, зарытый в землю.

Поднявшись, посредник отвесил поклон.

– Вам ведь необходимо подумать?

– Конечно.

– Что ж, тогда увидимся через несколько дней...

– Погодите. – Урфин позволил ему дойти до двери и коснуться ручки. – Каков будет залог?

Сделки подобного ранга не заключают, опираясь на одно лишь честное слово.

– Ваша дочь.

– Тогда передайте, что я отказываюсь.

Это проверка. Посредники изучают объект. И нынешний, замерший в дверях, разглядывающий Урфина с бесстрастным выражением лица, не исключение. Он не может не знать, что Урфин в жизни не поставит своих девочек под удар.

– Вы ведь ее даже не видели.

И что? У нее светлые волосы, прядку которых Тисса вложила в серебряный медальон. И крохотные ручки – чернильные отпечатки на листе... и глаза наверняка зеленые, как у мамы. Тисса писала, что синие, но это пока. Урфин слышал, что у всех младенцев изначально глаза синие. А потом позеленеют...

Как же ему хочется вернуться домой.

– Полагаю, жену вы тоже не отдадите?

– Именно.

Она ведь изменилась. Должно быть, исчезли эта ее подростковая угловатость и худоба... и улыбается Тисса теперь немного иначе. Разговаривает. Двигается.

От нее даже пахнет по-другому.

Наверное.

– Остаетесь вы. – Посредник водрузил на голову круглую шляпу без полей. – Немного вашей крови и метка, гарантирующая, что вы не передумаете.

Он коснулся уха, намекая, что знает о клейме.

– И позволяющая убрать меня, когда отпадет необходимость?

– Ну что вы! – В глазах посредника мягкий укор. – У Ковена достаточно мертвецов. В случае вашего... неразумного поведения, метка заблокирует ваши способности. Это не такая высокая цена за мир.

Дверь закрылась, и Урфин не сомневался, что человек за ней исчез, не добравшись до первой смены стражи. Посредники, как крысы, умеют находить альтернативные пути.

Метка на крови...

...его способности... будь он магом, скорее дочерью рискнул бы, чем своими способностями.

Но Кайя это вряд ли понравится.

Кайя, заложив руки за спину, расхаживал по комнате.

Поорал бы, что ли. Сказал бы, что Урфин – идиот, которому мало было неприятностей в жизни, поэтому он ищет новых. Запретил бы даже думать о сделке с Хаотом, пусть и мнимой. Пригрозил бы выслать, запереть... Хоть как-то бы отмер.

– Садись.

Указал на кресло, а сам на ногах остался. Руки скрестил, точно защищается, смотрит сверху вниз и все еще не способен устоять на месте. Перекачивается с пятки на носок, пальцами по локтю тарбанит.

– Это опасно. – Все же заговаривает.

Нельзя ждать, что Кайя вернется за день. Или за неделю. За месяц. Год? Возможно, что и годы...

– Посредник гарантирует, что метка будет именно та, о которой шла речь. – Урфин готовился к этому разговору.

Кайя не торопит.

– Для магов сила – это основа их жизни. Суть ее. Без силы маг... ничто. Он просто перестанет существовать. Хаот сожрет. Но я-то принадлежу этому миру и потеряю лишь то, чем никогда толком не обладал. Это настолько безопасно, насколько вообще возможно.

– Я не хочу рисковать тобой. – Кайя разжал руки и присел.

– А я не хочу рисковать своей семьей. И твоей тоже, хотя для меня она тоже своя, если, конечно, ты не настолько изменился, чтобы этого не видеть. – Урфин собирался сказать совсем другое, но опять прорвало. Хотелось схватить этого упрямого барана и потрянуть хорошенько, чтобы очнулся.

Чтобы стал, как раньше, занудным, дотошным, помешанным на правилах, но своим.

– Они не отступят просто так. Если не я, то кто-то другой и близкий. Они умеют искать подход к людям. И я не желаю гадать, кто и когда ударит в спину.

Кайя позволяет говорить, слушает и... он тоже понимает, что нет иного выхода.

– Сейчас либо мы, либо они. Не веришь мне, свяжись с Ллойдом... системой... с Ушедшим, чтоб тебя, но они тебе скажут то же самое.

Вот орать на него точно не следовало. Или все-таки...

– Свяжусь. Ковен не ограничится одним направлением.

Верно. И поэтому Урфин должен рискнуть.

– Я не хочу, чтобы Хаот добрался до этого мира. Здесь живет моя дочь.

– Ты ее любишь? – Кайя сам себе ответил: – Любишь. Я вижу. Вообще я сейчас больше вижу, чем раньше. Наверное, так надо, но... когда людей много, сложно себя контролировать. Вокруг как будто все орут. Это просто невыносимо! Я привыкну. Я уже привыкаю и... когда Иза рядом, то совсем нормально. Но смешно ходить повсюду с женой.

Не смешно ничуть.

– Ты понимаешь, а остальные решат, что я слаб. И я действительно слаб, потому что боюсь опять не справиться. Иза мне верит. В меня верит. А я...

– А ты в себе сомневаешься.

– Да. – Кайя вцепился обеими руками в волосы. – Я слышу ее. Я знаю, где она и что делает, но этого недостаточно. Я хочу держать ее в поле зрения. Контролировать каждую секунду ее жизни, каждый шаг, каждый вдох, потому что только так я буду уверен, что с ней все в порядке. Но я знаю, что так неправильно, что нельзя забирать чужую свободу. И ей будет больно. Что мне делать?

– Для начала – приставить охрану.

Он уже приставил. Да и охрана не спасла в прошлый раз, и Кайя это помнит.

– И поговори с ней.

Бессмысленный совет. Кайя боится собственного страха и в жизни не признается, что вообще имеет право страх испытывать.

Посредник вернулся через три дня.

И метка стала поверх клейма. Не было больно, скорее уж странно.

– Я рад, что мы нашли общий язык. – Посредник был по-прежнему деловит. –
Дальнейшие инструкции вам передадут.

– Учтите, что скоро я уеду.

– О, наниматель очень на это надеется. В Ласточкином гнезде есть выход на систему,
верно?

А у Урфина есть доступ к управляющим элементам.

– Не переживайте. Наниматель заинтересован в том, чтобы вы остались живы.

Это радовало. Урфину не хотелось умирать, не увидев дочь. И вообще умирать, если
разобраться, не хотелось.

Глава 5

Мозаика

Он любил сидеть на веранде фамильного склепа.

О странных привычках странных людей

В городе было скучно.

Кроваво, голодно и до отвращения скучно.

Юго даже перестал получать удовольствие от работы, что и вовсе было непозволительно. В конце концов, он ведь профессионал, и не ему смотреть на ошибки любителей... режут друг друга – пусть себе режут. Отвлекают народ от насущных проблем топором и плахой, и средство-то действенное, как наркотик, только дозу успевай повышать. Благо после случившегося на Площади Возмездия городские тюрьмы вновь наполнились теми, кто слишком много знал. Или слишком громко разговаривал.

Кликуши, бестолковое воронье, слетались на казнь, чтобы собственными глазами увидеть, как исполняется пророчество о близком конце света. Юго не мог бы сказать, где и когда это пророчество появилось, но пришлось оно весьма кстати.

С пророчествами так всегда.

– И наступят кровавые дни! – Очередной старик, ряженный в лохмотья, взобрался на опустевший помост, протянул руки над камнями. Его не слушали, люди знали, насколько опасно останавливаться, обращать на себя внимание. – И брат пойдет войной на брата! И реки станут красны, а земля бесплодна...

И вот что странно: Юго видел множество миров, разительно отличных друг от друга, но везде кликуши выглядели одинаково. И говорили почти одними и теми же словами. Может, их разводят в каком-то безумном бродячем заповеднике? А потом подбрасывают в хаос для хаоса продолжения?

Мысль показалась забавной.

– И солнце исчезнет с небосвода... наступит великая тьма, которая будет длиться трижды и три дня.

Говорили, что с дверей храма исчезла цепь, их запиравшая. Сама опала.

– ...если люди раскаются и очистят сердца от скверны...

А в самом храме нашли девушку в белом платье с ножом в груди. И лежала она три дня, источая запах роз и мирры. И на рукояти ножа распустился диковинный цветок, чей аромат дурманил и освобождал от боли.

– ...но если же будут упорствовать в заблуждениях...

Была ли эта девушка вовсе? А если и была, то кто она? Случайная жертва? Или первая? Одно другому не мешает. И нынешняя идея кому-то может показаться удачной. Юго подозревал, что очень скоро число Невест увеличится.

Кровь зовет к крови. Страх к страху.

– ...то быть земле под властью тьмы...

– ...во веки веков, – раздался мягкий голос над ухом. – Всегда удивлялся тому, как быстро они заводятся.

Посредник мало изменился с прошлой встречи, разве что теперь он был обряжен в алую

суконную куртку с замусоленными обшлагами. И пуговицы не хватало.

– Прям как вши на больной собаке, – добавил он, поправляя платок. – Премного рад тому, что ты жив... и работаешь все так же умело. Последняя сцена с ревнивым любовником и ножом весьма себе драматична.

– Не моих рук дело.

Юго не любил присваивать себе чужие заслуги. Хотя... нежные письма, которые привели любовника Верховного Судьи в такую ярость, писал он. И до последнего сомневался, верно ли уловил эмоции, все-таки чувства – не совсем его профиль.

– Не скромничай. – Посредник раскланялся с патрулем. – Ты хорош, несмотря ни на что... и у меня есть предложение.

– От кого?

Ответ очевиден: Хаот. Не получилось поймать в капкан, так решили действовать иначе.

– Маги? И что они могут мне предложить?

Юго возвращается в нору, и посредник не отстаёт. Уверен в собственной безопасности. О да, посредников не принято трогать... но и не принято, чтобы посредники сдавали исполнителей.

– Возвращение домой. Тебе же здесь неуютно. Жарко. И в принципе не твое... я слышал про родной твой мир. Там вечная зима. И выюги. Красиво, должно быть...

– Особенно когда жрать нечего и заносит.

Переулок. И дверь, которая держится на одной петле. Пустая комната с проломом в стене. За ним – узкий коридор и лестница вниз. Юго идет первым, и посредник, окончательно убедившись, что ему доверяют – прежде Юго не оборачивался к нему спиной, – следует.

– Ты когда-нибудь замерзал до полусмерти? – Юго вытаскивает из тайника свечу. Не для себя, он неплохо помнит окружающую обстановку, но для этого, что начал подозревать неладное.

– Куда мы идем?

– В гости. Ты же хочешь откровенной беседы...

Он попытался все же уйти в тень, вот только Юго не позволил. На такого редкого гостя он рад был потратить последнюю иглу.

– Это всего-навсего паралич, – сказал он, подхватывая тело. – Отойдет через часик-другой... как раз до места доберемся. Поговорим...

Тело волок, пребывая в на редкость приподнятом состоянии духа. Все-таки не так город и плох... умеет преподносить сюрпризы. Жаль, что Сержанта нет, он бы оценил то, что Юго собирался сделать. Заодно и научился бы кое-чему...

– ...что тебя ждет? – Посредник говорил, превозмогая боль. Это ему только кажется, что боль почти невыносимая, Юго всего-то руки-ноги переломал – не хотелось, чтобы дорогой гость так быстро исчез. – Ты здесь чужак! И чужаком останешься! У тебя не будет ни дома, ни детей...

– А они мне нужны?

Нужны... Юго все-таки не хватало того мальчишки. Но он уже решил найти себе другого, простого, такого, которого Юго позволят оставить при себе.

– Ты можешь выбрать сторону! Иметь в должниках Хаот...

То же самое, что задницей пушку затыкать. Вроде и размер подходит, но все равно идея неудачная.

– Ты понимаешь, что тебя отсюда не выпустят? Да они возьмут этот мирок и...

Да, Юго подыщет себе мальчика. И будет его учить тому, что знает сам... с маленькими проще, чем со взрослыми. Сержант, конечно, талантливый, но... староват уже для настоящего тонкой работы.

– ...и ты сдохнешь вместе со всеми.

– Рассказывай, – предложил Юго, подкрепляя предложение первым надрезом, пробным пока.

– Я мало знаю! Я не помню! Ты же знаешь правила!

– Что помнишь, то и рассказывай... начни с того, зачем ты меня сдал?

Ножи... иглы... огонь... не так важно, каков инструмент, главное – с фантазией к делу подойти.

– Это ведь ты на заказ навел?

– Нет. Наниматель просил кого-то, кто справится с винтовкой. А Хаот потребовал, чтобы это был именно ты... ты им изрядно в свое время крови подпортил. Но они позволили тебе опыта набраться.

Позволили, значит.

Юго думал, что сбежал, а его просто-напросто выпустили, удлинив цепь. Дали шанс развить талант. Наблюдали издали. Следили. И когда Юго достиг потолка, решили, что хватит с него свободы. Опасная ведь игрушка.

Посредник же продолжил говорить:

– Они сильнее. Они подомнут этот мирок. Выкачают его досуха. И протекторам не выжить. Тебе не выжить.

Это не знания – догадки, но тот, кто их делает, достаточно долго общается с Хаотом, чтобы догадкам его стоило уделить внимание. И Юго подумает над услышанным позже: будет время.

И для мира. И для протекторов. И для самого Юго.

И для ученика.

Пожалуй, вон в том углу поместится кровать, если небольшая. А в противоположном – стол и стул. Он даже представил себе этот стул и ребенка, на нем сидящего, чистого, аккуратного – в дом нельзя носить грязь – и внимательного.

– Не молчи. – Он погладил посредника по голове, прощупывая череп. Толстый. Пилить будет неудобно. – С кем ты здесь контракты заключал... я знаю, что ты не можешь сказать суть, но мне и не нужно. Имена.

К счастью, посредник решил, что выдержит... он и вправду выдержал пару часов. А потом гораздо больше. Все-таки чудесный выдался день.

Впрочем, кое-что из услышанного озадачило Юго. Информация, несомненно, была достоверной, но... не укладывалась в голове. Он даже испытал некоторое разочарование в собственных способностях: неужели до сих пор настолько ошибается в людях?

И как быть?

Смолчать и нарушить вассальную клятву? Или написать... кому? Выбор не так и велик, но Юго думал. Долго. Минут десять. Еще десять ушло на составление двух писем. Гораздо дольше пришлось искать связного, которому теперь Юго тоже не особо доверял.

Но какой у него выбор?

Оставалось надеяться, что письмо доберется до Кверро в обещанные пять дней. А пока следовало заняться делами насущными, например уборкой... все же имелись в его работе

некоторые недостатки.

Что сказать о свадьбе?

Она была и похожа, и не похожа на предыдущую. Не было ни моря, ни баржи, ни толпы на берегу, ни щитов, заслонивших меня от людей. Белого платья, которое сгнуло в пламени революции очередной невинной жертвой, впрочем, куда менее значимой, чем жертвы иные.

Но был огромный зал. Стяги. Знамена. И заунывный вой волюнок. Плащ на плечах, уже не синий – серый, безымянный: Кайя достаточно принципиален, чтобы отказаться от протянутого Магнусом.

Танцы. Акробаты и шуты. Бродячие циркачи и пара менестрелей данью столичной моде.

Вместо короны – венок из дубовых листьев и тонких веток омелы. Золотую цепь заменила сплетенная из клевера, крупные багряные соцветия в ней – чем не драгоценные камни? Стол укрыт небеленым полотном. А единственными букетами – вязанки колючего остролиста, который высаживают у порога дома защитой от сглаза и дурной молвы. Сидеть приходится на мешках, туго набитых зерном и шерстью. А слепая старуха на ощупь сшивает наши рукава костяной иглой.

...да не оборвется нить, соединяющая судьбы.

Нить из лосиных жил, крепкая, такая точно не оборвется, и рукава, срезав, отдадут огню. Никто не спешит смеяться над нелепостью наряда. А другая старуха, простоволосая и босая, подает чашу из зуба морского змея, морской же водой наполненную до краев.

...слезы, которым нельзя дать пролиться.

Кайя выпивает до дна, не пролив ни капли. Наверное, это хорошая примета.

Третья старуха, в платье, измазанном сажей, щедрой рукой сыплет на волосы колючие шары репейника. А я вдруг некстати ловлю взгляд Магнуса, преисполненный такого отчаяния, что мне становится страшно. Ему дорого стоила эта война.

Нам всем.

Магнус отворачивается, я же выбираю колючки из жестких волос Кайя, стараясь не дергать, пусть бы и знаю, что ему не будет больно, но все равно мне хочется быть осторожной. И собрать все до одной. Мы не будем ссориться. Он же стоит, опустив голову, и улыбается.

Впервые за все время он улыбается.

Потом нас поздравляют, не стесняясь подходить. И каждый словно бы случайно высыпает под ноги горсть красного песка... сколько песчинок, столько лет для двоих.

Бессчетно.

Здесь вообще как-то быстро забывают о титулах, о правилах, манерах. Шумно. Весело. Безумно самую малость. Под столами рыскают собаки, выпрашивая подачку, и дети. А в открытых очагах жарят кабанов. Поварята с трудом поворачивают натертые до блеска ручки, скрипят цепи, и жир с туш стекает на решетки, на переложенных ароматными травами цыплят, перепелов, кроликов, фаршированных шпиком и копченым салом, розовую горную форель... в Кверро нет голода.

И вино льется рекой.

Я пила мало, Кайя не пил вовсе, и улыбка его исчезла, напротив, чем дальше, тем хуже ему становилось. Его страх передался мне. И когда настало время уходить, я с трудом удержалась, чтобы не вцепиться в край стола.

...не бойся меня, пожалуйста.

...не боюсь. Не тебя.

А чего? Сама не знаю.

На меня смотрят. Свистят. Топают ногами и отпускают хмельные, весьма сомнительного качества комплименты. Это же свадьба, и финал у нее соответствующий.

В нашей комнате жарко. Камин натоplen, кровать застлана шкурой черного медведя. У резных ножек ее – пучки стрел и миски с зерном, символы, которые в толковании не нуждаются.

И я жду... трясусь, как девчонка, хотя понимаю, что это глупо. За глупость и страх стыдно. Сколько эмоций одновременно способна испытывать женщина? Загадка. Много. Их хватает, чтобы несколько скрасить ожидание.

О появлении Кайя возвещают все те же волынки, но, к счастью, волынщики остаются за дверью. Кричат что-то... за музыкой не слышно, а я, догадываясь о сути, все равно краснею.

– Иза... – Он смотрит на меня с такой нежностью, что сердце замирает. – Ложись спать. Спать?

Кайя присаживается на край кровати.

– Ты очень красивая. Я забыл, насколько ты красивая...

Поэтому спать?!

...ты злишься?

Конечно, я злюсь! Я женщина, и у меня свадьба. И муж, которого я черт знает сколько времени не видела. Рыжий, родной и вообще... раненое самолюбие требует сатисфакции.

Я скучала по нему.

По нам.

...сердце мое, пожалуйста. Я не настолько хорошо себя контролирую, чтобы рисковать.

Чем или кем?

...последний раз, когда я был в постели с женщиной, я в деталях представлял, как ее убиваю. Мне пришлось принимать некоторые... химические препараты.

Вместо души – пепелище. Черно-серое, застывшее. Как он выжил? Не знаю. И выжил ли?

...они растормаживали физиологические процессы и разум должны были бы блокировать, но я все видел и понимал, что делаю.

Выворачивал себя наизнанку и тогда, и потом, вспоминая раз за разом.

Измена? Ревность?

О нет, Кайя себя резал заживо. И эта память – не репейник, я не могу ее выбрать.

...приходилось повышать дозу, но все равно я только и мог, что представлять, как ее убиваю.

...и ты боишься, что убьешь меня?

...да. Слишком много войны. Я нестабилен.

Бойтся он не только этого.

– Отдыхай, я посижу...

Ну да, в кресле у огня, сражаясь с призраками и кошмарами. Так я его и оставлю наедине с собой.

– Ложись в постель. Я сама погашу свечи.

К счастью, Кайя не возражает. Я помогаю раздеться, говорю о чем-то неважном, глупом, кажется, об омеле и остролисте, песке, который попал в туфли. О том, что собаке нужен

ошейник, а Йену – игрушки, те, что есть, красивые, но они чужие. Это же имеет значение, верно?

Кайя молчит. Он забирается под одеяло, и ощущение такое, что готов накрыться с головой. От кого прячется, от меня или себя? Свечи гаснут одна за одной, и пламя в камине приседает, расползаясь по углям. Ковер скрадывает мои шаги, а медвежья шкура пробуждает память.

Рыбы вот нет.

...Кайя, что мне сделать, чтобы тебе стало легче?

...просто будь рядом.

Я уже рядом, настолько, насколько возможно. Устраиваюсь на его плече, кладу ладонь на грудь. Пусть кошмар уйдет, хотя бы на сегодня.

Мое пожелание сбывается: темнота отступает. И не только на эту ночь.

А спустя неделю нас с Йеном пытаются убить.

...как мы оказались у той стены?

Из-за Друга. Безалаберный черный щенок, который лаял на всех, но на своих чуть иначе. Он спал с Йеном в одной кровати и, если бы позволили, ел бы из одной тарелки. Вертелся под ногами, словно нарочно подставляя лапы и чересчур длинный хвост, чтобы завизжать трагически, рухнуть на спину и лежать, пока не будут принесены извинения, желательно съедобные.

Простота собачьей хитрости.

Друга выводили гулять в небольшой закрытый дворик. Три стены и арка, увитая плющом. Старый колодец, к счастью, слишком высокий, чтобы Йен забрался в него. Яблоня, на ветвях которой собирались скворцы, галдели, обсуждая нас, и Друг носился вокруг дерева, пытаясь спугнуть скворцов.

Лаял.

А Йен бегал уже за ним, повизгивая от восторга. Я присаживалась на край колодца, мне нравился этот дворик, его уединенность, тишина и само ощущение мира, которым я могла поделиться. Магнус устраивался у арки, заслоняя один проход и оставляя в поле зрения другой.

Охрана держалась незаметно.

Когда игра в догонялки надоедала, Магнус доставал разноцветные шарики и принимался жонглировать. Друг и Йен садились и смотрели. Два детеныша. И одна сволочь, которая решила, что будущее в очередной раз нуждается в корректировке.

Меня там не должно было быть. Меня ждал чай в компании баронессы Гайяр и прочих весьма уважаемых и нужных в нынешних обстоятельствах дам. Как было отказаться? Я и не отказалась. Я просто решила немного опоздать.

Дамы потерпят, а Йен... я поймала его, когда он пробежал мимо. Просто поймала. Не предчувствие, скорее душевный порыв, он засмеялся и попытался вывернуться из объятий.

– Не отпускаю...

Помню, что Друг остановился у стены и зарычал.

И Магнус дернулся на рык... а потом меня вдруг опрокинуло в колодец.

Грохот. Камни, которые сыплются сверху. Отчетливый запах пороха.

...Кайя!

Второй взрыв был сильнее первого.

Я только и успела, что увидеть, как трещина ползет по каменной стене и медленно, словно в застывшем времени, старая кладка отделяется от базальтовой подложки.

Прижать Йена к себе, он пытался оттолкнуть меня, кричал от боли, но я сильнее.

Прости, родной, так надо.

Каменная лавина накрыла нас. Стало темно. Душно. И больно, к счастью, ненадолго.

...изаизаиза...

Стучит в висках. Зовут. Кто и когда? Зачем так громко? Не хочу. Пусть замолчат. Но зов бьется в голове, мешая возвратиться в тишину. Окончательно я очнулась от громкого детского плача. Надрывного. Долгого. До икоты.

– Тише, Настюха...

...Йен.

Со мной Йен. Настя далеко. В безопасности. А Йен здесь, рядом и плачет. Значит, жив. И скоро нас вытащат... я помню взрыв. И падение. Темно. Снизу – камни впились в тело. Сверху давит и жарко, словно свинцовым одеялом накрыли. Значит, мы все еще в колодце, и... и все будет хорошо.

...Иза...

Это уже не крик – вой, в котором я с трудом узнаю собственное имя.

– Все будет хорошо. – Язык не слушается, губы тоже. Голос что змеиное сипение.

Тело болит, и даже не знаю, в какой его части сильнее.

...Кайя...

Тишина. Осторожная. Недоверчивая. Сколько он уже зовет? Долго, наверное... почему мы все еще здесь?

...Иза, ты как?

...мы в колодце... вытащи нас. Пожалуйста!

Я сейчас сама разрыдаюсь.

...знаю. Скоро. Сердце мое, только не шевелись. Все очень ненадежно. Умоляю, только не шевелись.

...Йен плачет.

Я пытаюсь левой рукой ощупать его. Голова цела. Шея. Плечи. Спина. А вот стоило прикоснуться к ноге, он завыл.

...он, кажется, ногу сломал.

...ничего. Нога – это пустяки. Главное, вы живы. Я вас вытащу, сердце мое. Я вытащу вас. А нога заживет. У нас хорошая регенерация. Ты говори со мной, пожалуйста. Не замолкай, ладно?

Его страх горький. Но я буду говорить, потому что мне тоже страшно. Темно. Тесно. Больно. И я хочу выбраться.

...нельзя. Потерпи.

Понимаю. Терплю. Заставляю себя успокоиться. Повторяю вслух, для Йена, что все будет хорошо, что скоро за нами спустятся и...

...Магнус? Остальные?

...дядя жив. Взрыв был сильный, но он жив и выберется. А вот люди, к сожалению, погибли.

...два взрыва. Кайя... они не Магнуса убить хотели. И не меня. Меня не должно было быть. Я пришла... просто пришла посмотреть.

На то, как щенок и ребенок играют в догонялки. И сидят на траве, наблюдая за

фокусами, в надежде, что однажды стеклянный шарик выскользнет из цепких пальцев Магнуса. Они бы его поделили.

За что с ними так?

...Иза, я теперь не связан рамками закона. И могу гораздо больше, чем прежде.

...найди их.

Я пытаюсь гладить рыдающего Йена, шепчу что-то нежное, бессмысленное, уговариваю потерпеть... уже недолго. Минутка и еще одна. Нас ведь вытащат. Его и меня.

Вдвоем.

Время тянется и тянется.

Стены укрепляют раствором. И Йен затихает. Он устал плакать и только икает. Я же, чувствуя, как вздрагивает под рукой это крохотное тельце, молю всех богов, чтобы Йен остался жить.

Помеха? Задача, требующая решения? Нет, это ребенок. Мой ребенок, которого я никому не позволю обидеть.

Взяли их у самой границы. Зачем было идти именно к границе, Меррон не знала, но ей, говоря по правде, было все равно куда. Дар вот определенно имел цель, но упрямо молчал.

Просто шел и шел.

И явно хотел идти быстрее, но сдерживал себя из-за нее.

Вероятно, граница как-то была связана с его приступами, которые случались все чаще, но и о них Дар говорить отказывался. А Меррон боялась спрашивать. Что бы с ним ни происходило прежде, это было страшно. Особенно в тот раз у реки, когда он лицом в воду упал и едва не захлебнулся.

Тащить пришлось, а он тяжелый и бормотал, бормотал что-то... скулить начал.

Пот катился градом.

Глаза и вовсе желтыми сделались, звериными. Он смотрел, но не видел. Зрачки то расплзались, заполняя все пространство радужки, то суживались, почти растворялись в желтизне. Сердцебиение ускорилося втрое против нормального, дыхание тоже. А потом из ушей, носа, горла кровь хлынула, темная, черная почти. И Меррон ничего не могла сделать. Сидеть рядом, уговаривать – он слышал ее и затихал ненадолго. Вытирать пот и кровь, которая все никак не останавливалась. Давать воду.

Все закончилось вдруг и сразу. И Меррон от облегчения расплакалась, ну и еще потому, что Дар спокойный такой, как будто бы все нормально. А она женщина! У нее нервы!

И вообще...

Только злиться на него не получалось. Или слишком устала? Сейчас идти приходилось быстро, порой она задыхалась и думала, что еще немного и упадет. Он останавливался, позволяя передохнуть, и снова шел. Зачем? Так надо, чтобы успеть.

Куда успеть?

И для чего? Но нет же, ни слова, точно вновь разучился разговаривать. Невозможный человек! И упертый. Шел-шел. И Меррон за ним, на одном упрямстве. И ведь почти получилось добраться. Уже и река была видна – широкое полотнище воды, чернота леса на том берегу. Сизый дымок, поднимавшийся от камней. Лошади. Палатки. Люди.

Дар приник к земле, втянул дымный воздух и отпрянул.

– Назад, – приказал шепотом и потянул за собой к зарослям бересклета. А их словно ждали. Мерронне поняла, откуда появились всадники. Секунду назад еще не было, а вот уже

рядом, летят, пластаясь на конских спинах, нахлестывают крутые бока. И собак спустили...

Здоровых. Лохматых. Куцехвостых. С обрезанными под корень ушами.

Меррон собак не боялась. До этой минуты.

– Назад. – Дар откинул ее за спину, прижав к высокому осклизлому камню. – Прости.

За что?

Он не справится со всеми... Пригнувшись, Дар зарычал. Утробно так, по-звериному, и псы, захлебывавшиеся лаем, заткнулись. Остановились. Попятились, припадая к земле, словно опасаясь, что этот странный человек на них бросится.

Люди тоже предпочли держаться в отдалении. С арбалетами... и луки есть. Им не надо подъезжать ближе, просто возьмут и расстреляют. Обидно-то как. Дошли ведь.

Почти.

А эти не спешили. Стояли. Смотрели. И Дар на них. Сколько это длилось? Минуту? Две? Меррон разглядывала лошадей. И людей, которые были какими-то... неправильными? Одинаковыми слишком. И неподвижными. Лошади вот переступали с места на место, всхрапывали, косились друг на дружку, а люди сидели, словно и не живые вовсе.

Кроме одного.

Он был без оружия и брони, сидел в седле боком, хотя ничего-то женского в его облике не проглядывалось. Полный, рыхлый какой-то, замотанный в белое полотнище, из складок которого выглядывали мягкие ладошки, усеянные перстнями. Камушки переливались на солнце, завораживали.

– Думаю, нам всем стоит опустить оружие. Карто – крайне чувствительные создания, – сказал толстяк, вытирая с бритой головы пот. – Вам, возможно, они и не причинят вреда, а вот спутница ваша вполне может пострадать. Нам бы этого не хотелось.

Ждали. Точно, ждали. И не Меррон – Дара, другой вопрос – чего им от него нужно?

– Мы просто побеседуем. – Толстяк сложил ладошки, и Меррон увидела, что ногти его были выкрашены в алый. – Вы нас выслушаете... и примете решение. Надеюсь, верное.

– А если нет?

– Ну... мы хотя бы попробуем договориться.

Меррон почему-то не поверила, что у них получится. Дар упрямый же. И толстяк ему не нравится, причем антипатия эта возникла сразу и как-то беспричинно.

Она же опять ничего не понимает.

– Прошу вас. – По щелчку пальцев охранник спрыгивает с лошади, приземляясь на четыре конечности. Подниматься не спешит, напротив, прогибается, перенося тяжесть тела на руки. – Лошади вполне... обыкновенные.

Существо – Меррон все же пришла к выводу, что называть всадников людьми неправильно, – скользнуло в сторону. Движения его странным образом сочетали плавность и гротескные, неестественные позы, в которых существо замирало на доли секунды. Оно выворачивало конечности в суставах там, где суставов быть не должно бы!

Меррон затошнило.

И в локоть Дара она вцепилась.

– Не бойтесь, милая дева, карто, конечно, не совсем живые, но сейчас безопасные. Как собаки, только умнее.

От существа, державшегося поблизости, исходил отчетливый трупный запах. И вблизи выглядело оно еще более мерзким: с поплывшей, словно бы начавшей разлагаться кожей, неестественно вывернутой шеей, на которой виднелся грубый поперечный шов, выпуклыми

глазными яблоками, каменными, кажется.

– И нюх великолепный! Всего-то капля крови на язык...

Тварь вывалила язык, длинный и тонкий, словно травинка...

– ...и стоя отыщет вас, где бы вы ни были. Мой предшественник был столь любезен, получил весьма качественный образец.

Дар сжал ладонь, успокаивая.

Меррон не боится.

Ни толстяка, ни его уродливых созданий, ни собак... ничего, пока Дар рядом.

А верхом ехать все лучше, чем идти.

– Вы не настроены на беседу? – Толстяк держался рядом, пожалуй, слишком уж близко.

Воняло потом, благовониями и той же мертвечиной. – Ах, простите, я недостаточно вежлив, чтобы представиться. Харшал Чирандживи. Эмиссар. Магистр скрытых путей. Вас я знаю, Дар Биссот, последний из рода Биссотов. И Меррон Биссот. Пара. Я правильно выразился?

– Жена.

Дар держал крепко, пусть бы Меррон и не пыталась сбежать.

– Ну, – толстяк подмигнул, – жен у меня дюжина, но такой, из-за которой я жизнью рисковать стану, нет. Поэтому давайте называть вещи своими именами.

В этот момент Меррон поняла, что не знает, кого сильнее пнуть хочется: толстяка с его намеками или дорогого супруга, который явно знал, о чем речь идет.

Ничего... вот останется наедине и все выскажет.

Накипело!

Остановились у шатра, и Меррон поразились, что увидела его только сейчас. Как можно было не заметить сооружение из ярко-алого шелка, расписанного золотыми птицами?

– Полог, – бросил Дар, словно это что-то объясняло. – Прячет.

Шатер изнутри еще более огромен, чем снаружи. И стены уже не алые – бирюзовые с серебряным рисунком. Ковры. Подушки. Бронзовые светильники причудливых форм, но не свечи держат – светящиеся шары. Харшал хлопнул в ладоши, и свет стал ярче. Резче.

– Мы привыкли немного к иному спектру, – сказал он, извиняясь за такое неудобство, – у вас здесь слишком темно.

Дар зажмурился. Ему же больно.

– Или ваше состояние требует чего-то... более естественного? Вы присаживайтесь. Чай? Или быть может, обед? Сегодня у нас жареные перепела в клюквенном соусе, седло барашка с подливой из белых трюфелей и семга на гриле. Зеленая спаржа гарниром.

– Спасибо. Воздержимся.

Он сел на подушки, скрестив ноги, и Меррон дернул, почти приказ, но сейчас не время капризничать. Есть хотелось... вчера вот рыбу получилось поймать. И жарили на раскаленных камнях, что тоже неплохо. Только вчера ведь. А сегодня Дар торопился.

Но, наверное, действительно в этом месте не следует ни есть, ни пить.

Мало ли чего любезным гостям в еду подсыплют.

– Жаль, у меня нет намерения вас отравить... тем более это несколько затруднительно, верно?

Пожатие плечами.

– Избытком любопытства вы также не страдаете.

Подали чай, и сладости, и фрукты, и крохотные бутерброды с мясом.

– Что ж, буду говорить я. – Толстяк приподнял виноградную гроздь, позволяя Меррон

оценить: крупные ягоды с темной кожицей, сквозь которую просвечивает багряное сочное нутро и косточки видны... сладкий, наверное. И сколько она винограда не пробовала?

Года три уже...

...и ничего, жива пока.

Она опустила взгляд: лучше уж затылком Дара любоваться. Его, в отличие от винограда, и потрогать можно... не сейчас, а в принципе.

Подзатыльник, например.

– Признаюсь, что изначально Ковен планировал использовать вас как источник информации... во всех смыслах. Перетащить вас в нашу лабораторию было бы затруднительно, но и здесь, поверьте, нам хватит ресурсов для... изучения.

Он отщипнул ягоду и, покатав между пальцами, отправил в рот.

– И если мы не сумеем договориться, то, боюсь, я вынужден буду последовать рекомендациям Ковена. Кстати, моих коллег особо интересует вопрос эмпатической связи...

– Ближе к делу.

Дар злится.

– Вы изменились. Или меняетесь? Превращаетесь в полноценную особь, верно? Имаго, я бы сказал. И скоро, сколь понимаю, процесс завершится? Но не так скоро, как вам хотелось бы... вы еще не настолько освоились, чтобы защитить себя. Или пару. Кстати, виноград замечательный... или вы предпочитаете персики?

Он протянул один, и Дар принял. Понюхал. Отдал Меррон.

То есть персик ей можно?

Меррон очень даже персики любит. Сладкие, с бархатистой кожицей и нежной мякотью. Сок вот по подбородку течет. Наверное, смешно со стороны. И плевать... персик-то хорош, вне зависимости от ее манер.

– Но если перейти непосредственно к делу, то... вы направляетесь на встречу с Ллойдом? И мы бы хотели, чтобы эта встреча состоялась.

– Убрать?

– Именно. Видите, как мы замечательно друг друга понимаем. Ваш старший несколько... агрессивно настроен по отношению к Хаоту. И мы полагаем, что его ликвидация поспособствует переходу отношений на новый уровень. Его сын чересчур молод, что до остальных, то... по нашим сведениям, не все желают войны.

Дар не согласится. Он не должен соглашаться.

– Как?

– Маленький подарок... имитирует сильнейший ментальный всплеск. Ллойд делит территорию со взрослым сыном и много слабее, чем прежде. А вы ведь сейчас крайне нестабильны.

Серебряная цепочка и лиловый камень-клякса на ней. Покачивается, меняет оттенки... нельзя это трогать! Но Дар трогает.

– Несчастный случай? О вмешательстве Хаота не узнают?

– Именно. Протекторов осталось так мало... границы слабы... вам позволят закончить превращение. Возможно, отправят куда-нибудь на задворки мира, но разве это цена? Вы предотвратите войну. Сохраните многие жизни, в частности, этой милой женщины.

Ну вот почему все, кто занимается политикой, норовят убить Меррон?

– Вы ведь не повторите той своей ошибки? Говорят, что разрыв связи ведет к серьезным изменениям психики. Правда?

Дар молчит.

– И что у полноценных протекторов связь в разы сильнее... значит, и последствия куда более чувствительны.

Вот же сволочь жирная, подавиться бы ему виноградиной, но вряд ли следует ждать такой удачи.

– Но вот интересно, что будет с вами, если пару изменить? Скажем...

– Я согласен.

Дар надел цепочку и подвеску спрятал под рубаху.

– Вы же понимаете, что женщина останется у нас? Пусть отдохнет. Выспится... а там видно будет. И еще, амулет сработает на приближение. Мы услышим всплеск.

Им позволили покинуть шатер. И проводили в другой, меньший и не такой роскошный. За тонким пологом осталась охрана, которой хватит, чтобы предотвратить побег.

– Ты... – Меррон замолчала.

Что сказать?

Уходит? Да... снова. И если хватит ума, то утопит амулет в ближайшей канаве.

Должен был бы рассказать о себе и вообще... а должен ли?

Кто они друг другу?

Пара. И если Меррон убьют, ему будет больно, как тогда у реки или еще хуже... Если верить толстяку. Но как ему верить?

– Меррон, – Дар обнял зачем-то, – я вернусь за тобой. Обязательно. Они тебе не причинят вреда. Я им нужен. Не только сейчас, а вообще... как свой протектор. Ллойд – это чтобы зацепить.

И посадить на поводок до конца жизни. Никто не узнает... этот толстяк будет знать. И те, кто делал амулет, и Меррон тоже. Ей позволили слушать, потому что она – свидетель, которого Дар не уничтожит.

– Не бойся, ничего не бойся...

Постарается. Что ей еще делать-то?

– Дар, а ты... – Надо говорить, потому что если замолчит, то и Дар тоже. Отпустит ее. Уйдет. И погибнет. Или еще хуже. – Действительно... протектор?

– Не знаю. Возможно, стану. Или нет. Я тебе потом все объясню. Обещаю.

Главное, чтобы это «потом» наступило.

Глава 6

Право силы

На первый взгляд результат очевиден, но самое интересное состоит в том, что он очевиден и на второй взгляд...

...об очевидности неочевидного или тайнах политики

Кайя ненавидел колодцы.

Он отчетливо помнил тот, из которого не мог выбраться. Гладкие скользкие стены с вечной испариной каменных рос и пятно света на недостижимой высоте.

Тогда он сбежал, и теперь колодцы ненавидели Кайя.

Этот дразнил хрупкой кромкой, готовой осыпаться при малейшем прикосновении. Кромку пробили куски железа и ветки дерева, щепка вошла в раствор, расшатывая и без того ненадежные камни. Но на дерево Кайя зла не держал – защитило.

Накрыло ветвями, заслоняя от острых металлических шипов, которые прошили все три стены, охрану и Магнуса. Людям хуже всего: Кайя видел тела, развороченные кирасы, пробитые во многих местах, вросшие железными штырями в плоть. Двое умерли на месте. Двое продержались достаточно, чтобы Кайя забрал их боль и память. А Магнус, скорее всего, выживет.

Повезло.

Это Кайя повторял себе, заставляя оставаться в разуме, хотя то, что внутри, требовало убивать. Немедленно. Всех. Тогда виновные точно будут наказаны. Те, кто в замке, те, кто в городе, те, кто в протекторате. Люди. Из-за них все началось снова.

И продолжится.

Люди глупы. Необучаемы. Не поддаются контролю. Представляют опасность. То, что внутри, предлагало единственный реальный вариант устранения угрозы. Кайя не слушал, повторял про везение.

Повезло, что колодец. И что дерево.

И что живы.

Нельзя спешить. Одно неосторожное движение, и каменная лавина хлынет вниз.

Дождаться мастеров. Поставить подпорки. Спустить сети и тощего паренька с непомерно длинными конечностями. Он неторопливо, словно задавшись целью испытать нервы Кайя на прочность, раскатывал сеть, закрепляя ее тонкими костылями, словно ткань булавами. Потом наносил серый раствор, который замешивали тут же, во дворе, стараясь не слишком плясать на развороченные стены и вспаханную шрапнелью землю. На тела, лежащие в углу. Воздух провонял порохом и медью.

[Купить полную версию книги](#)